

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

В зал "Унионъ"
состоится
АНОНСЪ. состоится
ТОЛЬКОВЪ ЗАЛѢ НОВОЙ БИРЖИ
Въ зѣлѣ, во мѣстѣ Бъ страгѣСостоится для Концертнаго Дружества
Концертъ Мариі Ивановны Долиной
исполнителю артистич. ансамбляВыпуск редакция во редакционномъ кабинетѣ
Х. К. Яцкери П. ИсаченкоГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 4 (102)

Декабрь. 2017 год

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Я знаю —
книга будет!

О чем писать в этой колонке, знал уже тогда, когда только собирал номер газеты. И вдруг, прямо скажем, неожиданная подсказка из Интернета — журналистка и романистка Ирина Лобусова, работая над статьей о книжном чтении, нашла умопомрачительную (в прямом смысле) статистику.

Представьте: 49 процентов взрослого населения Одессы за 10 месяцев 2017 года — с января по октябрь — не прочли ни одной книги: художественной или научной, бумажной или на гаджетах.

Первая мысль — фейковая новость. Не случайно Британская энциклопедия в 2016 году объявила самым популярным выражением «brexit», а в 2017-м — «fake news».

Вторая мысль — а в этом что-то есть. Сколько было в Одессе книжных магазинов 25 лет назад и сколько сегодня?

Не поленился. Спросил «Гугл»: статистика чтения книг в Украине. И вот результат.

2013 год. Не читают книг чуть более половины украинцев — 51%.

2013 год. Украина — одна из наименее читающих книги стран в Европе.

2017 год. Тройка самых читающих стран мира — Китай, Испания, Россия.

2017 год. Украинцев, которые в течение года не прочитали ни одной книги — 42 процента, а прочитали свыше 10 книг — 10 процентов. В это же время американцев, не читающих совсем, 19 процентов, т. е. в 2,11 раза меньше, чем в Украине.

Нет, я уже не подвергаю сомнению статистику, найденную Ириной Лобусовой. Нет, я уже не спрашиваю, кто виноват. Смею утверждать: знаю, что делать!

Как образование, так и книгораспространение должно стать коренной задачей государства. Нужно издавать хорошие книги, а затем умно пропагандировать хорошие книги. Тем более что они есть.

Вот об этом я и собирался писать изначально.

Итак, 2017 год.

Харьковское издательство «Фолио» издает двухтомный роман-исследование «Город Антонеску» о кровавых событиях в Одессе в дни оккупации. Ни один одесский магазин книгу не заказывал.

Презентация книг прошла во Всемирном клубе одесситов по инициативе члена президентского совета Евгения Деменка. Он же озаботился тем, чтобы издательство прислало заказанные книги одесситам.

Одесское издательство по просьбе Всемирного клуба одесситов выпускает к 65-летию классика украинской литературы Сергея Ивановича Рядченко его сборник рассказов «Безумцы». Поверьте, в этой книге есть новое ощущение свободы писателя, да и читателя в нашем мире. Презентацию устраивает Всемирный клуб одесситов. Презентация проходит в Одесском литературном музее. А библиотеки? А вузы? А клубы книголюбов, если они еще есть в нашем городе?

Киевское издательство «Саміт-книга» в 2017 году выпускает яркий, умный роман об Одессе на украинском языке Ганны Костенко «Цурки-гілки (джазовые импровизации)». Назовите, в каких вузах, школах, библиотеках запланированы встречи с автором? Мы хотим знать язык? Мы клянемся в любви к Одессе? Но наш город — это не только памятник Т. Шевченко, И. Франко, мемориальные доски Л. Украинке, М. Жуку, А. Довженко — это и живая, яркая, современная литература.

Анна Костенко, чей портрет — на первой странице газеты, а рассказ о романе — на третьей странице этого же номера, родилась 7 января 1988 года в нашем городе. Всего тридцать лет, но она успела защитить кандидатскую диссертацию, написать две книги рассказов и два романа. Оба — замечательные.

Писатели у нас есть. Я уверен: и книги будут. Жду в этом году новых книг прозы Олега Губаря, Евгения Деменка, Майи Димерли, Анны Михайлевской, Елены Андрейчиковой, поэзии Влады Ильинской...

Просто грех, имея таких писателей, такие книги, проводить время у зомбозящика.

Берем в руки книги, чтобы, как просил поэт, «не пропасть поодиночке».

Евгений Голубовский.

Добрый день, Леонид Менделевич!
Вам пишет Дана, ученик Леонида Анастольевича. Хотел сообщить Вам о том, что сегодня ему исполнилось бы 76 лет. Прошло уже два года с момента, когда он ушел от нас, но я до сих пор ценю Вашу помощь в сборе средств для установки памятника ему и очень благодарю Вас за все. Как Ваше самочувствие?

К сожалению, я еще не посетил кладбище, так как нахожусь в Германии и не уверен, что смогу посетить этим летом вообще, но я очень постараюсь.

С уважением — Дана.

Дорогой Леонид Менделевич, письмо получила, спасибо, буду ждать новостей, за душевный прием в клубе — отдельное спасибо, добралась в Москву, а мысленно в Одессе, состояние такое, как у героя Кацаева: "И в душе моей было нечто такое щемящее, что я готов был заплакать от счастья". Читаем после нашего диалога все о поэте Фиолетове, на сайте клуба много интересного!

Ольга.

Здравствуйте!

К вам обращается историк и археолог кино, доктор философии, действительный член Украинской киноакадемии, профессор Сергей Гавриленко. Прошу вас помочь в проведении презентации нового историко-биографического романа "Человек с Преображенской", посвященного жизни и творчеству вашего земляка — гениального механика и изобретателя И.А. Тимченко, который жил и работал в Одессе с 1874 по 1924 год. В этом году отмечается 165-летие со дня его рождения. Книга выпущена в августе этого года полтавским издательством "Копи-Принт", тираж — 1000 экз. Готов предоставить любую дополнительную информацию.

С уважением и надеждой на сотрудничество — Сергей Гавриленко, автор романа "Человек с Преображенской".

Здравствуйте!

Пишу вам от имени петербургского издательства "Пальмира". Обнаружила на вашем сайте статью Валентины Коган о Якове Моисеевиче Когане. Дело в том, что мы готовим к изданию собрание сочинений Фрейды с переводами Якова Моисеевича, в связи с чем хотели бы заключить договор с Валентиной Яковлевной, но никак не можем ее найти. Может быть, вы могли бы нам помочь?

Заранее благодарю!

Мария.

Уважаемый Леонид!

Большое спасибо за информацию! Мы очень давно ищем наследников Якова Моисеевича, надеюсь, теперь наши поиски увенчаются успехом. Удачи Вам во всех начинаниях!

С уважением —

Мария Выходская, менеджер по правам, издательство "Пальмира".

Добрый день, уважаемые коллеги!

Издательство "Арбор-дизайн" готовит к изданию сборник А.К. Дойла, в связи с чем мы разыскиваем правообладателей перевода А.И. Ильфа. У Вас на сайте размещена интересная статья, где речь идет об Александре Ильиничне и ее сыне Илье Терзиановиче Кричевском. Пожалуйста, если у Вас имеется его контактная информация, окажите нам содействие в поиске. Мы хотим бы заключить с ним договор о переводе.

Заранее спасибо.

С уважением — Екатерина Салдатова, менеджер по работе с авторами издательской группы "Арбор-дизайн".

По ходу своих изысканий я столкнулся с некоторыми одесскими, с моей точки зрения, неразрывно связанными с историей Одессы.

При желании могу дать ссылки на материалы об этих лицах: протоиерей Воронич Иоанн, титулярный советник Воронич Петр Дмитриевич, генерал-майор Воронич Константин Петрович, подполковник, участник обороны Севастополя Воронич Илья Петрович.

С другой стороны, был бы рад, если бы смогли ознакомиться с двумя делами Госархива Одесской области. Фонд 37: опись 1, связка 2, дело 24 (102), 12.05.1780 — 10.07.1780; опись 1А, связка 18, дело 318, 07.03.1842 — 04.08.1842.

Здравствуйте.

Прошу зачислить меня в виртуальные члены Всемирного клуба одесситов. Меня зовут Юрий Марчак.

С 1980 года жил в Одессе, окончил Одесский колледж технического флота, потом — ОГУ, юридический факультет. С 2008 года живу в Лондоне со своей семьей. Люблю Одессу и хочу стать виртуальным членом ВКО.

Заранее благодарен.

Юрий.

Здравствуйте.

Меня зовут Елена Марчак. Я коренная одесситка, живущая в Лондоне с мужем и тремя детьми с 2008 года. Участвовала в организации украинских благотворительных вечеров, декоратор, дизайнер, модельер. Моя мечта — объединить одесситов и открыть одесский ресторан в Лондоне.

Прошу зачислить меня в виртуальные члены Всемирного клуба одесситов.

Добрый день!

Группа ZEECOOL (Одесса) подготовила подарок ко дню рождения родного города. Это презентация песни "Пайна" (ремейк на известную композицию из репертуара А.И. Утёсова).

Давайте вместе поздравим одесситов! Наша песня — ваш эфир.

Полная версия доступна по ссылке: <https://drive.google.com/open?id=0B7FfUyEYQExmM2s1OHR5bGdGV28>

Для радиоэфирной мы предлагаем вариант, доступный по ссылке: <https://drive.google.com/open?id=0B7FfUyEYQExmVzER1RkVO RVbHhM>

С наступающим вас праздником!

Уважаемый Леонид.

Настоящим подтверждаю получение письма. Позвольте выразить мне все же радость, которая осталась со мной, а возникла — благодаря знакомству с клубом в Вашем лице. Спасибо Вам большое.

Елена Пашута-Уолш.

Уважаемый Леонид!

Огромное спасибо за Ваше понимание и неравнодушие к обращающимся в клуб людям. Хочу уточнить, что моя бабушка не работала в госпитале, а была сестрой милосердия в приюте при госпитале. Если у меня появится еще информация, то обязательно сообщу.

Удачи Вам!

Михаил. Минск.

Дорогой Лёничка!

В крайнюю нашу с вами встречу в клубе оговорили друг с другом, что я пришлю Вам письмо с написанием, а Вы мне в ответ — контакты филиала клуба (филиалов) в Америке. Многие наши американские друзья желают там побывать/позвонить и пообщаться. Вот, хотелось бы в этих контактах иметь и телефоны, и имейл-адреса.

Заранее благодарю!

Ольга Радченко.

Здравствуйте уважаемый Леонид! Где можно купить справочник о погибших в

1941 — 45 гг.? Мой папа погиб под Дальниками в 41-м. Никаких сведений мы не получили.

Вот данные моего отца.

Волошин Ефим Маркович, 1902 год, Очаков, Одесса, военкомат Воднотранспортного района (тогда — Сталинского), июнь 1941 года.

Спасибо огромное за внимание.

Талина.

Леонид, прошу зачислить меня в коллектив единомышленников, любящих этот славный город. Без пафоса скажу, что в Одессе мне однажды спасли жизнь, нет необходимости добавлять что-либо.

Талина Бисроева.

20 октября исполняется 80 лет Валентину Ильичу Блиндеру, одному из самых ярких футболистов Одессы. Валя был любимцем болельщиков всей Одессы, независимо от принадлежности к лагерю "Черногорца" или СКА. Великолепная техника, фирменный финт, скорость сделали его одним из лучших левых крайних нападающих Украины 60-х годов. Верность родному городу и клубу (всего две команды за карьеру: СКА и сборная Украины) отличала Валентина наряду с элегантностью и корректностью на поле и вне его. Перед глазами его прорыв по краю с передачей мяча своим партнерам Подлесному, Москаленко, Щупакову, Бардешину. Закончив выступления на поле, он с успехом занимался тренерской и научной деятельностью (кандидат химических наук). Хотелось поздравить этому интеллигентному человеку здоровья и поблагодарить за удовольствие, доставленное нам — болельщикам.

Игорь Дежин, Израиль.

Я одессит, я из Одессы, здравствуйте!

Я Александр, и я ищу новую работу. Я могу быть правой рукой, левой рукой, ногой, глазами и парой новых извилин мозга. Легко нахожу общий язык с самыми разными людьми. Меня любят пенсионеры, хипстеры, творческая молодежь, суровые мужики в костюмах, геи, лесбиянки, гейтеры и бисексуалы.

Готов делать все и даже больше, если буду знать, что это принесет реальную пользу вашей редакции или человеку, на которого я работаю. Ну и, конечно, что мой труд будет оценен по достоинству. Если что, пойду с вами приятать труд или быстро нагулю 12 самых эффективных способов утилизации тела в условиях города. А также пять копеек, которые сделают это за вас. Быстро обучаюсь, приспосабливаюсь, лёгок на подъем, вынослив, хорошо анализирую ситуацию.

Я помозу с поиском ветеринара для вашего халыка Джеки, с легкостью найду свежую клубнику в феврале. Также проведу без очереди в рентгенкабинет на снимок. Имею опыт работы в lightroom, Word, Excel, Google-документах. Имею эффективно организовывать день. Не люблю тратить время зря. Уровень иностранных языков: иногда понимаю иттуристов. Родился в удивительном городе-герое Одесса!

Фотограф, начинал с цифровой камеры, сейчас основная камера стала пленочная. Приличный опыт в пленочной и цифровой съёмке; если не будет рядом фотоаппарата — за 10 минут содеру из подручных средств фотоаппарат, хоть из консервной банки, или банки от «Лепси», или из-под шпротов. Предлагаю себя в качестве штатного или внештатного фотографа. С удовольствием поделюсь опытом и секретами фотографии.

Уважаемая Елена Антропова!

Спасибо! Видно, что вы любите то, чем занимаетесь. Это восхищает.

Будем на связи. И желаю вам успехов и постоянного вдохновения.

Очень рады, что благодаря вам и всем, кто помогает и участвует в создании этого проек-

та, он обновляется и продолжается. (Проект "Они оставили след в истории Одессы" начал в 2008 году. Главной движущей силой этого проекта является энтузиазм одесситов.)

Еще раз спасибо Вам за внимание.

Степан Радченко.

Леонид, приветствую!

Я хотел бы провести презентацию к юбилею И.А. Тимченко. Таким образом мы вспомним о том, что нашему изобретателю — 165 лет, и презентуем роман "Запах лада-на" (роман о Вере Холодной) под общей темой "У истоков отечественного кино". На презентацию согласна приехать из Стамбула внучка Веры Холодной Вера Владимировна Холодная-Тилберт.

Сергей Гавриленко — историк и археолог кино, доктор философии, действительный член Украинской киноакадемии, профессор.

Здравствуйте!

Евгений Михайлович!

Хотела посоветоваться!

Мы хотим на площадке Одесского ЛЮЗа осуществить проект чисток современных пьес. Каждый месяц собирать режиссеров и актеров и читать пьесы драматургов — Натальи Блок, Олега Михайлова, Максима Курочкина и т. д. А вот первую чистку посвятить Анне Яблонской.

Как вы считаете, это возможно?

Дорогой Евгений Михайлович! Дорогая Татьяна Васильевна! Низкий вам поклон и огромная благодарность за помощь. Это настоящее чудо. Теперь блок материалов Горского о Ребикове будет полным. Спасибо за добрый труд, за внимание, за помощь. В издании этой владу будет отмечен. И когда выйдет книжка — буду рада подарить экземпляры.

Всего вам самого светлого, здоровья и многих сил!

С уважением, сердечно.

Ваша Настя.

Дорогой Евгений Михайлович!

К сожалению, писем и воспоминаний о Багрицком и Фиолетове нет. Горский не оставил никаких мемуаров, письма же его в архиве — только жене (несколько), сестре Нине, Сетницкой и Крашенинниковой. Посмотрю их на предмет упоминаний — но доюсь, что вряд ли... Архив вообще сильно потрепан. Одесские материалы практически полностью утрачены (были переэды, кое-где, три ареста — со всеми вытекающими отсюда последствиями).

То, что есть о Горском и Одессе, разнсканное, обязательно соберу.

Желаю много-много-много сил!

Сердечный поклон уважаемой Валентине Степановне.

Ваша Настя.

Дорогой Женечка.

Увы, Валя Тильнос умерла несколько дней назад. Она не успела увидеть свою книгу. Посылаю тебе некролог, написанный Ишей, ее гражданским мужем. В Израиле этой книги вообще еще нет. Мы надеемся, что Сама, сын Ваши, на днях поедет в командировку и несколько экземпляров привезет. Авторы вообще не видели отредактированного варианта своего текста: издатели выпускали книгу за свой счет и потому хозяйничали, как хотели. Незадолго до выпуска убрали много фактов участия местного населения в истреблении евреев.

Меня эта тема — «титанное» население и Холокост — давно занимает, я насчет «терпимости» нашего города (между прочим, не знавшего черты оседлости) в свое время писала: о погроме 1905 (кажется) года.

И сейчас на выходе статья о том же: «Непольское кино о Холокосте».

Белла Керман.

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:
www.odessitclub.org

Ганна КОСТЕНКО

Слово про слова

ЗАМІСТЬ ПЕРЕДМОВИ ДО РОМАНУ

Я ніколи не писала передмов — можливо, тому, що сама не дуже люблю їх читати. Але все буває вперше. Здається, наявність переднього слова зараз потрібна мені більше, ніж читачу. Я народилася в надзвичайному місті, що має свою енергетику, історію, своє обличчя та навіть усмішку. Характер, який, щоправда, з віком псується. Але зараз не про те... В Одесі багато міфів, які вона сама собі створила, які досі підживлюються (на те вони й міфи) кінематографом, літературою, екскурсоводами та тими, хто ніколи в Одесі не жив, але вмів говорити «одеською мовою». Такі люди зазвичай ідеалізують Молдаванку з її бандитським минулим, ніколи не читали «Конармії» І. Бабеля (втім, Ільфа та Петрова теж не читали) та, зустрівши корінного одесита, вимагають у нього розповісти анекдот. Одесити не розповідають анекдотів, вони не жартують заради самого жарту. Ось і перше побиття міфів.

Одеський гумор — не в його інтонаціях, помилкових лексичних і граматичних формах, навіть не в суміші блатного жаргону, нецензурної лексики, ідиш, російської, української, молдавської та інших мов. Це передусім своєрідний тип мислення, філософське сприйняття цього трішки невдалого світу (але що вже поробиш?), довге спостереження та миттєвий висновок, усмішка Будди з єврейським корінням... Може, я й помиляюся, але особисто для мене одеський гумор саме такий.

Одеська мова. Існує багато книжок, присвячених «одеському діалекту». І якщо раптом ви погортаєте їхні сторінки, побачите, наскільки багато у так званій одеській мові запозичень з української. Але зараз, зно-

ву-таки, не про це. Був час, коли за одним реченням ставився діагноз, коли можна було зрозуміти, хто перед тобою стоїть і нащо він прийшов у це життя: чи людина з Пересипі, Слобідки, Ближніх Млинів або взагалі з Малої Арнаутської. Якщо останне, тоді ти міг отримати відповідь на будь-яке запитання, навіть якщо мовчав. «Одеську мову», на мій погляд, робить не мішанина слів, а насамперед пунктуація. Саме пунктуація. І крапка.

Молдаванка. Мій тато народився у будинку, біля якого п'ятий трамвай робив своє скрипуче коло та стомлено валаңдався далі; у будинку, що пережив багато чого у своєму житті, тільки не одеську приватизацію. Татові дитинство та юність пройшли на Молдаванці, серед горьківського дна, переповненого ремарківськими персонажами, а також фарцовальниками, крадіями та недобитою більшовиками інтелігенцією.

Чи були для нього ці часи щасливими? Можливо, бо він був іще молодим. Чи хотів би він повернути годинник назад? Хтозна... та реальність ніколи не мала майбутнього, вона була пріречена. І тоді, і зараз. Мені було чотири роки, коли я вперше побачила цей будинок. З його рота тхнуло смертю, він уявлявся мені великим дерев'яним кораблем без щогли та штурвалу, кораблем, що мусив ось-ось загинути, але ніхто не знав, коли саме. Я спостерігала тоді за людьми, які святкували чиесь весілля, і в їхньому святі було дуже багато суму. Люди з темним минулим і не менш темним сьогоденням здавалися мені тоді по-дитячому справжніми. Вони ділили одне з одним крихти хліба. Це перше. А по-друге, не любили радянської влади. Але, знову-таки, не про те зараз розмова, не

про те... Одеса вже ніколи не буде такою, якою вона була раніше. Це не погано й не добре, це просто факт. І нормальний життєвий процес. Я не відчуваю смутку чи ностальгії за тогочасністю та тими людьми, могили яких давно ніхто не відвідує. Мій текст не вихвалює, не засуджує, не продовжує та не створює «одеський міф». Але певною мірою і не руйнує його. «Цурки-гілки» — лише маленька історія, що вплетена в судини цього приморського міста, скаліченого транспортом і людьми, крихтне скельце, що доповнює велику мозаїку пам'яті, яка складається з

життєвих епізодів, усмішок, очей, надій та сліз. У тексті майже всі персонажі невідгані, я дозволила собі навіть не змінювати імена та прізвища людей, про яких йдеться. І маю на це декілька підстав. Ті, хто міг би впізнати себе й образитися, ніколи в житті не прочитають цієї книги. Люди, які б упізнали себе та їм було б приємно або байдуже, так само не прочитають цієї книги, але вже з інших причин. Мій троюрідний прадід Андрій Лукич, бандерша Фіра з відомим на всю вулицю татуванням, Пінкус і Шейла, які мріяли зробити дитину, Ваня Китайчик зі своїми голу-бами, щипун з трьома пальцями на руці, закоханий у власний мотоцикл, Елефант із матуSEO-лихваркою та інші — вже давно перебувають у невідомих світах, готуючись до нових хвиль перероджень. Створюючи цей текст, я повертала їх у наш світ без жодних на те причин, без прикрас та ідеалізацій, повертала такими, якими запам'ятала: живими людьми. Може, вони на те й не заслуговують, але яка вже різниця? Я просто зобразила те, що встигла побачити та почути сама, що встигла побачити та почути мій тато. Я написала так, як воно було. І воно було правдою.

Игра из детства для взрослых

Кухня. Плюется паром забытый на огне чайник. Свет засиженной мухами лампы выхватывает лица. Пьяный румын, сантехник без музыкального образования, дергает свой черный цыганский ус. Пани Гуля кутається в розовий пеньюар (но разве ж это поможет?). Молчит одетая в вечный траур Феца, которой всегда есть что сказать. Старая бандерша Фіра вынимает изо рта папиросу и усмежается золотыми зубами. Дед Лукич опрокидывает рюмку — за мирное небо над головою. Ваня Китайчик небрежно тасует карты. А Смерть так же небрежно — людей...

Как обычно оценивается роман? Мы обсуждаем героев, характеры, сюжет. Идею — если она есть. В хороших текстах находим аллюзии. В плохих — иллюзии. Но как оценить жизнь? Как разобрать ее на вчера, сегодня, завтра; как сделать вывод, что хотел сказать Автор (тот, который стоит за всеми нашими мыслями, чувствами и поступками); как понять, в чем был замысел? И главное — зачем?

Роман «Цурки-гілки» — это не текст, это жизнь. Маленькая ее часть, замкнутая в старом дворике на Молдаванке. Разряженная в яркое и рваное, безумная, грустная, беспросветная, по-детски беспомощная перед самим понятием смерти, хоть и пьет с ней самогон на одной кухне. Но в то же время пронзительно искрен-

няя — до последнего золотого зуба Фіры, до скрипучих протезов старого ангела деда Лукича — и поэтомо мудрая. В хорошем романе каждый читатель видит свое отражение. Ибо автор-хронист не навязывает собственное мнение, он рассказывает историю. Эта фотографическая точность невольно заставляет искать аналоги — не в литературе, нет! — в жизни. Ты вспоминаешь свой двор, соседей, вспоминаешь детские ощущения, когда еще не умел обманываться, когда воспринимал мир один к одному, когда у тебя не было прикрытия из бесконечных взрослых дел, которые так удобно смещают фокус кадра в безопасное и комфортное. И от этого становится не по себе. Ты отвык от этой честности — она непредсказуемая, с ней бывает больно и страшно. Ты не хочешь платить такую цену за мудрость. Но дешевле ее, видимо, не отдадут...

Но как удалось автору затронуть читателя в этот промерзший до костей двор, да еще с гробом под самыми воротами? Ответ очевиден. Роман написан настолько образным, метафоричным и в то же время точным языком, что шансов сбежать оттуда нет никаких. Если запутался, кто кому каким родственником приходится, наслаждайся описаниями; не нравятся описания — разгадывай метафоры, как шарады; не понял метафоры — прислушайся к

перепалке соседей; заложил уши от криков — постарайся улыбнуться. Чем заняться, найдется в любом случае. Интересна также компоновка романа — герои выпадают, как карты из рукава Вани Китайчика: каждая — точно в свое время. И рассказ идет от одного героя к другому — без разделения на главы, без пробелов и заглавных букв. Все правильно! Мы ведь помним: это не текст, это жизнь, а она, конечно же, неделима!

Персонажей здесь много, но главный герой, по сути, один — все тот же старый двор. Именно он меняется от сезона к сезону, от эпохи к эпохе, от жизни к жизни. Его квартиры страдают от одиночества, в его подвалах спасаются влюбленные, к нему в гости навещается Смерть. И в этом контексте очень символично звучит финальный аккорд: дети играют в цурки-гілки, они так увлечены и счастливы, что не обращают внимания ни на что, даже на труп румына. И обреченный, казалось бы, на смерть двор получает надежду. Жизнь все-таки оказывается сильнее!

И что же в конце? А в конце автору выпадает рояль стрит флэш (везение? нет — мастерство!), и читатель уходит побежденный, но не проигравший. Ибо нельзя проиграть, когда уносишь в руках целый мир.

Анна Михалевская.

«Цурки-гілки» Анны Костенко

Дочитав повесть до конца, я подумала: хочу, чтобы мой сын в школе изучал такие книги — и именно на таком украинском языке — на уроках литературы. И радость для меня, что эту книгу написала одеситка. Молодая, талантливая и так хлестко продолжающая о себе заявлять.

Уникальный стиль Анны, с которым я уже успела ознакомиться при чтении первого романа «Те, що позбавляє сну», сейчас набрал такой силы и самобытности, что мне хочется перечитывать повесть вновь и вновь, каждый раз находя для себя новые остро подмеченные детали образов, попадая в сети хитросплетенных улыбок, от которых рано или поздно начинает щемить под ребрами. Что, собственно говоря, и происходило со мной, когда я перечитывала отрывки вслух своим домашним.

И снова перед нами оживают жители этого дома на Молдаванке, рассказывают о своих бедах и радостях, сомнениях и принятых решениях. Правдиво и по-одесски иронично. Вечно пьяный румын, гордящийся родством с цыганским бароном; пани Гуля, актриса

третьего состава оперетты; тетя Феца, которая на самом деле Шура, «фекающая» по поводу и без; Пінкус и Шейла, многие лета мечтающие о ребенке, Ваня Китайчик, умеющий любить навсегда; и все остальные жители дома и этой книги, может, давно покинули этот свет в поисках нового пристанища, тем не менее, они живут и ярче некоторых живущих. Даже война, пьяная портовая девка, и смерть, у которой всегда самые точные часы, и даже квартира номер 9 — все имеют здесь свою околочеловеческую судьбу. Какую есть. Настоящую.

Я захожу в этот старый сгорбленный дом, поднимаюсь по скрипучим, уставшим от людских ног ступенькам, стучусь то в одну, то в другую квартиру, через двери до меня доносятся запахи дешевого табака, алкоголя, жареной кефали, бульона из домашней курицы, полных подгузников и последних вдохов. Мне открывают двери люди, ненавидящие своих соседей и пылающие презрением к чужакам, ко всем по отдельности, но умеющие любить их всех вместе.

— Тетя Фіра, дайте соли! Потрясите солонку!
— Дядя Пінкус, дайте сахара, я знаю, его у вас уже немножечко есть!

И слышу мое:
— Вот вам.

То ли дали, то ли послали. Каждый по-своему, в зависимости от того, кто с какой ногой утром встал на прогнивший пол. В уже существующем доме несуществующие жители, собранные со всего света, разных национальностей, вероисповеданий и даже рас, с которыми мне никогда уже не встретиться в реальном мире.

Все проходит. И иногда быстрее, чем нам этого хочется. Может, и не найдешь сейчас в больших количествах ни на Молдаванке, ни в любом другом районе Одессы таких колоритных персонажей, такой степени противоречивости и такой многозначности их запятых, точек и троеточий. Да и сам дух Одессы давно имеет другой биохимический состав. Но если есть люди, способные запечатлеть эти мелодии памяти, способные оценить и осознать, пропустить сквозь себя и навсегда оставить часть в себе, то «все еще будет добре, все...».

Елена Андрейчикова.

Игуменья Серафима: "Я читала Машу и видела в ней себя"

«Я игуменья с душой послушницы», — говорит о себе настоятельница Одесского Архангело-Михайловского женского монастыря игуменья Серафима (Шевчик). 35 лет — в монашестве, из которых 15 лет была послушницей и более 20 лет возглавляет знаменитый монастырь в самом центре Одессы.

До сих пор матушке снится, что она на кухне подметает пол, моет грязную посуду и испытывает чувство вины за непослушание.

Почему в монастыре нужно работать до изнеможения, что будет, если исповедовать помыслы настоятельнице, и как удержать сто женщин в четырех стенах, если за окном кипит жизнь во всех её проявлениях — об этом и многом другом наш разговор.

«15 лет послушничества дают мне право говорить»

— Матушка, мы договаривались, что беседа наша будет максимально откровенной. Потому что вопросов множество. Вы готовы?

— Да, спрашивайте. Читая исповедь Маши, я вспомнила свою жизнь. Она, эта девушка — во многом мой портрет. Я была очень строптивой. Правда, есть то, что нас отличает: я бесконечно любила свой монастырь. Хотя страдала от собственного характера точно так же, как она. Надо сказать, что я постоянно находила какие-то острые углы, сама их себе создавала своим жёстким неуступчивым характером, но в то же время настолько любила монашеский образ жизни, что все искушения казались мелкими против того главного, что жило в моей душе — огромной любви к монастырю.

— Чего не хватало Маше, чтобы всё вынести? Да и надо ли было это всё терпеть?

— Не хватало, на мой взгляд, призвания. Монашество — это добровольное мученичество, не все могут этот крест понести. Нужна особая благодать Божия.

— В обсуждении этой темы люди пишут, что община первых христиан была настолько полна любви, мира и радости, что это привлекало к ним всех. Господь заповедовал ученикам Своим быть в мире и любить друг друга. Для христиан это — главная заповедь. Описанное в «Исповеди» далеко от этого идеала!

— Несогласия в человеческих коллективах были во все времена. В некоторых посланиях апостолы упоминали о своих разногласиях с членами общины. Уже тогда их последователи начали разделяться: один говорил «я Павлов», другой — «я Аполосов», третий — «я Кифин» (то есть «я Петров»). А четвертый — «я Христов». И уже тогда Павел к ним обращался с увещательными письмами.

Тем более, он писал, что разногласия, в принципе, «должны быть между вами», чтобы «открылись искусные». То есть апостол Павел на разногласия смотрел спокойно, считая, что это естественный ход развития любой общины, любого сообщества, даже христианского.

Но, говоря об «Исповеди бывшей послушницы», прочтя всё это множество обвинений в сторону матушки игуменни и сестер, мне бы не хотелось их осуждать. Потому что пока всего не узнаешь, не сможешь вынести правильного суждения. Тем более — находясь за тысячи километров. И тем более — исходя из слов только одного человека.

Я не прокурор и судить не собираюсь. Просто, исходя из собственного 35-летнего опыта монашеской жизни, из которых 15 лет была послушницей, считаю, что могу смиренно что-то сказать, что-то объяснить.

Чтобы жить в монастыре, приходилось работать уборщицей в больнице

В монастырь поступила в начале 1981 года, на Сретение Господне. Мне было 17 лет.

Приехала к игуменни, попросилась в обитель, она меня приняла.

— Сразу в Одессу приехали?

— Нет, в киевский Покровский монастырь. Абсолютно мирская девочка, вчерашняя ком-

сомолка, я попала в совершенно закрытый патриархальный мир, где всё кардинально отличалось от того, где я жила раньше. И разных искушений, ситуаций нестандартных было чрезвычайно много.

Случались и конфликты... Характер у меня был непослушный, строптивый, я всегда имела собственное суждение. Вот и доставалось.

Порядки у нас в монастыре были очень строгие, но, тем не менее, я по монастырю не ходила — летала от счастья. Сама этого не замечала, пока одна пожилая монахиня не спросила у моей знакомой послушницы: «Подскажи: как мне Надю найти?» (Надежда — моё имя до пострига.) «Какую Надю?» — та спрашивает. Монахиня отвечает: «А ту, которая все время улыбается».

Когда послушница мне об этом сказала, я присмотрелась, и действительно — да, хожу, и улыбаюсь на всё лицо. Счастье из меня буквально «пёрло». И это состояние, слава Богу, сохраняется до сего дня. Никогда ни одной минуты и ни одной секунды не пожалела, что избрала этот путь.

— Прочитавшему «Исповедь» может показаться, что описанные там жуткие порядки существуют во всех женских монастырях. Скажите, от чего реально страдают женские закрытые коллективы?

— Начну с игуменни, потому что в монастыре она определяет всё.

Игуменней в Покровском монастыре была матушка Маргарита (Зюкина), духовная дочь глинянских старцев. У нас был чрезвычайно строгий устав. Шаг вправо, шаг влево — сразу изгнание из монастыря.

Но это было советское время. Вообще все годы моей жизни в Покровской обители приходились на советский период. И по тогдашним законам проживали мы в монастыре нелегально. Каждый месяц нас проверяли органы КГБ. Приезжали, устраивали облавы. Всех девушек ловили в буквальном смысле слова, как на охоте, сафари за нами устраивали. И матушке Маргарите приходилось устраивать нас в обитель, принимая на работу как повара, дворников, уборщиц.

У меня хранится документ за 1981 год, в котором значится, что я принята в монастырь в качестве дворника.

— Ничего себе!

— Да, что мне выдан инвентарь: метла, ведро, еще что-то. Я распилась, что обязуюсь его хранить, технику безопасности соблюдать. Даже стала членом профсоюза...

В советское время в монастырях не давали прописку лицам до 60 лет. Пытались таким образом маргинализировать монастыри, сделать их пристанищем бабушек, практически богачками, и крайне ограничивали приток новых людей, новых послушниц.

Матушка нестандартным образом решила этот вопрос: она брала нас под видом рабочих. И параллельно мы должны были где-то прописываться, ради чего искать работу в Киевской области или в Киеве. Паспортный режим тогда соблюдался очень строго, вплоть до тюремного заключения. Временную прописку лимитчикам давали на самых тяжелых работах. И молодые сестры, трудясь в монастыре, вынуждены были работать в больницах, на стройках, в колхозах. Ведь среди нас киевлянок было очень мало. В Покровском подвизалась молодежь из самых разных мест Советского Союза.

И знаете, что было для нас самое тяжелое? Не то, что сейчас Маша пишет — её скорби несоизмеримы с нашими тогдашними... Самая страшная скорбь — выйти из монастыря в мир.

Понимаете, я раньше никогда платочки не носила, в советское время — какие платочки? А тут ты в 18 лет выходишь в косыночке, в платье с длинным рукавом, на тебя все глаза пялят. Попадаешь в коллектив, где все спрашивают: «Что это у тебя такой постный вид? Что это ты крестик носишь?» Нас привлекали в мирских учреждениях презрением и обструкцией, мы были изгоями.

От облав КГБ мы прятались по монастырским подвалам, чердакам, как мыши по норам. Проверяющие врывались в каждую келию, отмечали количество живущих. Мы даже на нормальных кроватях не спали, потому что в любой момент могли прийти представители власти и по их количеству вычислить реальное число насельниц. Я, помню, спала на огромном кожаном диване, допотопном, XIX века. И самое смешное, когда впервые на нём, так сказать, опочила, проснулась вся в каких-то красных пятнах. Встаю и говорю послушницам, девочкам, которых со мной еще пять было: «Что это такое?» Они смеются: «А это клопы».

Но, вы знаете, нас невозможно было из монастыря выгнать! Помню, одна сестра прощтрафилась. Матушка игуменья сказала ей

собирать вещи и уходить. Подумаешь, всего то — уйти из монастыря! Не причастия лишит (кстати, насколько я знаю, лишит причастия может только архиерей). Помню, как сестра эта валялась у нее в ногах и просила: «Матушка, оставьте меня».

— За что такое может быть?

— Всякое бывало... И меня тоже наказывали. Как-то раз игуменья благословила бить поклоны — при всех в трапезной. Сестры кушали, а я била поклоны. И ещё несколько раз такое было. Либо в церкви, либо в трапезной, все молятся или едят, а ты лупишь и лупишь эти поклоны.

Все эти трудности составляли, я бы сказала, двадцатую часть того, что казалось негативным. Тяжелее всего было другое.

Мы изнемогали от духовных искушений: ты ушла из мира, чего-то недопонимаешь, что-то не доходит, часто нападает уныние. Но в Покровском были старицы еще царского времени, высокодуховные, особой закалки. Мы, неоперившаяся зелень, очень любили с ними общаться. От них шла величайшая благодать, такая любовь, такая радость! Они могли всегда дать мудрый совет.

Никогда не забуду первого своего дня в обители. Иду по территории — в красном пальто, вся такая, как поет Данилко, «в Дольче Габбана». Вот и я «вся такая», 17-летняя, в пальто модном... Навстречу ковыляет старушка-монахиня, несёт из трапезной кастрюльку. «Матушка, позвольте вам помочь». Она на меня снизу вверх посмотрела: «Деточка, ты в монастырь пришла?» — «Да».

— Хочешь, я дам тебе совет?

И она сказала слова, которые я запомнила на всю свою жизнь:

«Старайся всегда в течение дня кому-то сделать добро. Каждому. Старайся, чтобы тебе сказали «спасибо», «спаси Господи». Очень опасайся причинить кому-то боль. И не дай Бог сделать кому-то зло, потому что даже кривой взгляд, не просто укор, а кривой взгляд в твою сторону уже будет для тебя иметь последствия, ты за это будешь нести... — как же она сказала... — искупление. А когда ты будешь делать людям добро, когда они будут говорить тебе «спасибо», «спаси Господи», тебе будет от этого хорошо».

Вы знаете, она мне этими словами будто матрицу какую вставила. И с тех пор я старалась неуклонно этого принципа придерживаться. Допустим, кто-то накричал или что-то не то сказал: женский коллектив, всякое бывает, тем более — я со своим строптивым характером часто давала повод. Но, помня ее слова, сдерживалась изо всех сил. Не будучи краткой и смиренной, стиснув зубы, не шла на конфликт.

Когда меня уже перевели в Одессу, пришлось по каким-то делам прибыть в Покровский. Собралось много моих подруг — сестер, с которыми столько лет вместе прожили. Веселое щебетанье, ведь мы уже какое-то время не общались, с каждой хотелось о чем-то поговорить. А сбоку стояла одна сестра, такая молчаливая, скромная. И вдруг я слышу ее тихие слова: «Вот человек, который в монастыре никогда никому не сделал зла...» Я сделала вид, что не услышала, но меня эта оценка заставила задуматься.

Как важно в самом начале монашеского пути встретить наставление в Духе Святом! Твердо убеждена, что получила таковое.

Свой дневник послушницы теперь перечитываю уже как игуменья

— Сколько вы прожили в Покровском?

— 11 лет.

— А постриг где принимали?

— В Одессе.

— Почему не в Покровском?

— Потому что в Покровском был такой обычай — постригали очень осторожно, после 30 лет жизни в монастыре.

— 30 лет?!

— Да. Матушка игуменья наша была великая, величайшая старица, она постригала с большой осторожностью.

Признаюсь, я тогда вела дневник. Он и сейчас хранится у меня — несколько толстых тетрадей по 40 копеек. Подробнейшим образом всё записывала. Причем новоназначной послушницей заносила в него много цитат из святых отцов, целые абзацы того же Иоанна Лествичника.

Но «что далее, то хуже» («Горе от ума»). С годами святые отцы в дневнике сменились бытовухой. Недавно перечитала и заметила

— поучения потеснили записи о каких-то мелких повседневных вещах, кто куда посмотрел, куда пошел, что спели на клиросе и т. д. То есть мой дневник превратился в такую книгу Маши, где очень мало духа, а всё плоть, и плоть, и плоть.

Сейчас читаю — и самой смешно: матушка игуменья такая-пересыкая... В дневнике она ужасная, строгая, даже жестокая. Здесь с Машей мы близнецы-сестры.

Теперь, будучи игуменней, прокручиваю, анализирую и прихожу к выводу — неутешительно или утешительно, как знать — что на месте матушки Маргариты я бы поступила точно так же!

Понимаете, у игуменни одна система координат, у послушницы — другая. Действительно: это повод для противоречий.

Как-то к патриарху Тихону, священномученику, священноисповеднику, приехал один батюшка, который стал на всё жаловаться. Говорил, что надо бороться с властью, идти вопреки большевикам. Выражал довольно радикальные мысли и сетовал, почему Патриарх так себя не ведет. На что предстоятель Церкви ему сказал: «Ты, отец, судишь со своей колокольни, а я — со своей». Патриарх Тихон избрал другую тактику, за которую его, может быть, осуждали многие. Но он, богомудрый старец, понимал, что ему надо спасти церковный корабль! Поэтому шёл на компромиссы, которые другим казались совершенно невозможными.

Да, между игуменом и послушником есть дистанция, которая подчас не позволяет им понять друг друга. Оптинский старец Исаакий любил говорить о себе: «Игумен, да не умен». О ретивых и амбициозных братьях изрекал: «Умен, да не игумен».

— Когда вы уже переехали в Одессу и там начался ваш путь настоятельницы, как удалось справиться с таким явлением, как абсолютная власть?

— Я крайне благодарна матушке Маргарите и, в первую очередь, Господу за то, что побывала, так сказать, солдатом, поела солдатской баланды, померзла в окопах, что мимо меня летели шрапнель и пули, что шла на амбразуру. Потому что опыт простой послушнической жизни мне крайне помог. Это бесценный опыт!

Поверьте, говорю истинную правду: я игуменья, но суть у меня послушница. До сих пор мне часто снится сон, он повторяется в раз-

ных вариациях, но в главном одинаков. Что я — послушница, находясь на послушании в Покровском монастыре, что игуменья у меня матушка Маргарита (первый монастырь, первая игуменья — это всегда святое) и что вечно не слушаюсь. Работаю на кухне, мою горы посуды. Бегаю с вениками, подметаю пол...

Игуменья с душой послушницы... И когда вижу любую из сестер нашего монастыря, тут же ставлю себя на ее место. Для того чтобы действительно понимать сестру, которая работает на кухне, в скотном дворе, в церкви, важно иметь этот опыт. А матушка игуменья меня по всем послушаниям волочила: я была и на просфорне, и в швейной, и на клиросе, и на трапезе, и в огороде. И туалеты мыла. Кстати, повод для гордости (не гордыни!) — так делал Иоанн Дамаскин.

— **Может показаться безрадостным всё это...**

— Помню, как перед Пасхой на Страстной неделе мы на кухне пекли куличи, яйца красили — огромное было количество работы. Поверьте, перед Пасхой кухня в монастыре — это что-то неимоверное! И вот иду после всего в храм, совершенно без сил, убитая. Еле ноги приволокла и настолько была физически истощена, что просто вырубилась в углу.

Воскресение Христово, служба праздничная, пение прекрасное, всё великолепное, а я сижу, глаза не могу открыть.

После пасхальной заутрени, в таком же состоянии души, еле-еле тяну ноги, ползу в свою келью. А я уже обитала с этой старушкой, с клопиками. На душе вместо пасхальной радости — безумная усталость и опустошенность. Думаю: что же со мной такое? Доплелась до кельи, открываю дверь. А келья небольшая, сразу напротив двери — окно. И что же? На подоконнике росла домашняя лилия в горшочке. Уходя, я видела, что вазон был зеленый.

После заутрени лилия распустилась, расцвел один цветочек — белоснежный, как звездочка... Захожу, эта светящаяся искра смотрит мне в глаза! С души в одну секунду схлынула вся гора уныния и усталости! Я почувствовала такую неимоверную пасхальную радость, что словами этих эмоций просто не передать!

Да, Бог за монашеские мучения (поистине, жизнь монашеская — это мученичество) вознаграждает так, как мирскому человеку совершенно не понять.

— **Матушка, простите, а зачем такое количество работы? Какая необходимость так убиваться?**

— Объясняю. Покровский монастырь, как, впрочем, и все обители, выживал с большими трудностями. Мы, монахини, послушницы, мало того что содержали сами весь монастырь, так его еще и строили.

Помню, в 1981 году сгорела крыша на Никольском соборе. Я как раз в ту ночь работала в больнице. Была жутчайшая гроза. Мои товарки, девчонки-санитарки, забились в одну из пустых палат и вопили: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» Представляете? Комсомолки...

Самого пожара я не видела. Утром прихожу в монастырь — кругом гарь, пожарные бегают. А одной моей подруге-послушнице кто-то из пожарных сказал: «Вот за грехи ваши Бог вас наказал». И она ему: «Да, вы правы, за наши грехи». Искренне так сказала...

Мы сами реставрировали этот собор, работали день и ночь. Лазили на огромную высоту, таскали тяжеленные ведра с углем, который остался от сгоревших балок, разгружали кирпичи. Семь огромных машин с прицепами, в каждой два кузова, то есть 14 огромных кузовов мы разгрузили, дюжина молодых девчонок.

Казалось бы, для чего такой мазохизм? Но мы не роптали, трудились самоотверженно. Красили, белили, многие строительные работы вели. Причем на лесах, на большой высоте. О здоровье не думали. Как Павка Корчагин на узкоколейке. Наверное, нынешняя молодежь даже не знает, кто это такой. О нас в шуточку можно сказать: так закалялась сталь.

Или, например, в Одессе. В 1993 году мы пришли в монастырь, который был полностью разрушен. В этом, кстати, я матушку игуменю Николаю в Малоярославце хорошо понимаю, у нас с ней одинаковая стартовая ситуация. Мы с сестрами и металл таскали, и бревна, и камни, восстанавливая святыню своими женскими руками. Отстроили храм, отреставрировали здания, построили музей, четырехэтажный дом милосердия, скит, учебные корпуса и так далее. Работали с огромной любовью. Это было счастье для нас!

Когда ты у игумении в паршивых овцах ходишь — это очень травмирует

— **Сколько у вас в Одессе сестер сейчас?**

— Около 120-ти.

— **Ого! Как вы справляетесь с ними?**

— Монастырь — четко отлаженная систе-

ма. В каждой обители есть благочинная, казначей, экономка, главная церковница, эклисиарх и прочая — каждая сестра трудится на своем месте.

В монастырях сейчас работы навалом, только успевай. Проблема, когда сестры болеют и работать не могут, а у начальника сердце разрывается: некому выйти. За что меня матушка Маргарита наказала, на поклоны поставила? Я не вышла на кухню в свой день, и меня некому было заменить. То ли приболела, то ли куда-то отлучилась... Тогда обидно было, но теперь, как игуменья, понимаю, что получила по заслугам. Ведь кто же сварит для огромной братии? Все голодные останутся!

— **Есть такие вещи, из опыта вашей послушничьей жизни, которые вы в своем монастыре не используете?**

— Например, у нас нет традиции откровения помыслов. Мой скромный опыт подсказывает, что в женском коллективе это не всегда идет.

Когда-то матушке Маргарите я тоже открывала помыслы. Я очень её любила, очень ей доверяла, даже доходило до того, что бегала за ней — так хотела общаться, такой был порыв. Но потом стала замечать пристальные взгляды с ее стороны. Она поняла, что я неуправляемая, могу что-то такое выговорить — сама же ей об этом и рассказала. Как администратор, она опасалась, чтобы от моих действий не было негативных последствий. Её отношение ко мне резко поменялось. Ага, думаю, раз так... И тут же закрылась. Когда матушку встретила, делала благообразное лицо, всячески давала ей понять, что я очень хороша.

Был случай, когда я донесла ей на одну сестру. Да, такое у нас практиковалось. Вероятно, это был способ держать контроль над нашей монастырско-комсомольской ордой.

Ночью не могла спать. Совесть горела огнем. После этого не доносила никогда ни на кого. Молчала, словно Зоя Космодемьянская. Увы, моя репутация еще более пошатнулась. Но не жалею. До сих пор убеждена, что была права.

А помыслы открывала на исповеди. Для нас, молодых, но слишком умных, главным и незбытым был принцип тайны исповеди. Мы ни за что не хотели, чтобы о наших грехах и недостатках знала матушка игуменья. Это не стыдливость. Если тайна исповеди соблюдена, можешь рассказать все как на духу. Тем более что священник получает при хиротонии особую благодать. В том числе благодать нести человеческие грехи.

По себе знаю и чувствую, что не имею благодати беспристрастно воспринимать чужие грехи и немощи, потому что сама духовно немощна и больна. Слава Богу, в Одессе много старцев, есть где и у кого лечиться.

Был у нас в Покровском батюшка, довольно простой в общении. Никогда не осуждал, говорил с нами на равных. В общении с ним мы находили большое облегчение: он многое объяснял адекватно, просто и доходчиво. Придешь к нему, покаешься, он будто по полочкам всё разложит, и глаза у тебя открываются. Кстати, он был из белого духовенства.

Святые отцы пишут, что игумен не всегда может быть духовником братии, совмещать и настоятельство, и духовничество.

Быть духовником, старцем, старицей — своего рода призвание. Не каждому оно дано.

Что ещё я вынесла из опыта послушницы — любить надо каждого ровно и никому не отдавать предпочтения. В силу моего характера матушка Маргарита меня не очень жаловала, и мне было это очень обидно. Когда ты так любишь свою игуменю, уважаешь ее, но в паршивых овцах ходишь, это очень травмирует.

Нельзя сестрам показывать, как к ним в глубине души относишься. Наверное, игуменья своих эмоций вообще не должна выдавать. Скажу честно: это трудно; но нельзя, чтобы какая-либо сестра подумала, что она хуже, чем другая. В многодетной семье, это общеизвестно, когда мама или папа отдает предпочтение кому-то из детей, остальные просто истерикой заходятся.

Преподобный Серафим Саровский говорил одному игумену, наставляя его: «Ты должен быть не отцом братии, а матерью». И это он говорил мужчине, для мужского коллектива!

Великая тайна — быть матерью для всех. Надо очень потрудиться, чтобы соответствовать словам преподобного Серафима.

— **Как вы справляетесь с послушницами, которые имеют сильный характер?**

Безусловно, это проблема. В женском коллективе — особенно. Матушка Маргарита конфликтных сестер селила в одну келью. Есть такие сильные личности, что не могут не подавлять других. Наша игуменья сильных подсадила тоже к сильным. Искры порой вышибались бешеные. Из окон кельи со строптивцами неслись драматические возгласы, это было предметом смеха всего монастыря, но удивительным образом приводило к результату. Клином клином вышибают — оказывается, это хороший психологический прием. Сильная личность поневоле приходила к пониманию, что либо глаз вон, либо надо смириться.

Далеко не все из методов моей наставницы, незабвенной матушки Маргариты, практикуются у нас в обители. К сожалению, ее высота для меня недостижима. Она, например, никогда не сомневалась в своих решениях. А у меня ума не хватает. Много раз в голове прокручу одну и ту же проблему, пока найдется нужное решение.

Быть игуменей — страшная ответственность и, честно говоря, непосильное бремя.

У нас в монастыре стоит икона Пресвятой Богородицы Игумении Афонской Горы — один из главных образов в храме. Игуменский жезл вставлен в эту икону. Я его никогда в жизни даже в руки не взяла...

Перед любым послушанием я, сестры идем к Матери Игумении Богородице, кланяемся, просим у Нее благословения, и Она реально нам помогает.

В безвыходных ситуациях я, как послушница, иду к Ней, падаю и говорю: «Матушка Игуменья, помоги, вразуми...» И всё устраивается.

— **Наверное, если бы так начальствующие в монастырях и рассуждали, не появлялись бы такие произведения, как «Исповедь бывшей послушницы»...**

— Господь сказал: «По плодам их узнаете их». Очень важно судить не по словам, но по делам. Ведь часто бывает, что слова делам не соответствуют, правда же?

— **Да, бывает...**

— Что осталось после Маши? Опустошение, ропот и утверждение, что «Лествица» — проклятая книга. Представить себе не могу — прожить столько лет в монастыре и такую книгу, нашу конституцию монашескую, называть проклятой... Монашество было не её образом жизни, потому что для нас, для монахов, эта книга — святая. Без смирения, которое «Лествица» постулирует, монашество невозможно.

Теперь беспристрастно посмотрим на игуменю Николаю. Я не знаю, какие там порядки, но могу судить, но она возродила из руин прекрасный монастырь, основала монашество скитов, вывела из своего гнезда более двадцати игумений, ведет очень серьезную просветительскую деятельность. Плоды очевидны.

Судить о человеке вот так жестко на основании мнения одной сестры? Пусть и другая сторона выступит, тогда мы сможем узреть объективную картину. На каждого прокурора должен быть свой адвокат.

Еще скажу по поводу Христа и любви. Если бы не было в монастырях Христа, все они уже давно бы рассыпались, просто перестали существовать, понимаете? Ведь действительно: жить в ужасных условиях — таких, например, как Маша пишет, и я сама могу подтвердить, насколько это сурово — невозможно без Христа. Невозможно!

У нас в Одессе рядом, через забор, очень привлекательная жизнь. Парк, море, вода бирюзовая, песочек — все красоты мира... Порог переступила, вышла за ворота и как «в раю» очутилась. Поэтому, если человек живет в таком месте, где все сурово, ограничено, как в казарме, где труд день и ночь, где ты безволен и безгласен — вне Христовой благодати однозначно это невозможно! Но, под черкиваю, в монастырях люди добровольно живут, сами сознательно избирают этот путь!

Вот я — пришла в монастырь из комсомола, с танцплощадок. Была такой же, как и все, ходила на танцы, красилась, очень любила фильмы, светскую жизнь, любила своих друзей, одноклассников.

Попадаю в монастырь, с куцыми семнадцатилетними мозгами. Честно говоря, совсем не была готова к такой жизни. И вы знаете, весь мой 35-летний опыт нахождения в этой так называемой «тюрьме» говорит о том, что если человек это делает ради главного — ради Христа, всё остальное становится мелким, несущественным.

Ты получаешь от Христа, поскольку Ему служишь, необыкновенную благодать, необыкновенную радость. Понять это может только верующий человек.

Как Маше это всё объяснить? Мне её очень жаль. Чувствую, что девочка она начатанная, грамотная. Но, поверьте, истинный монах никогда в жизни не скажет про монастырь, что это ад. Для него мир — ад, а монастырь — рай!

Дорогая Маша! Твоя боль — это моя боль

— **И буквально два последних вопроса. Люди ищут в Церкви, в монастырях, в храмах любви Христовой, духа взаимоуважения и поддержки, а часто встречают только хамство и нравоучительство. Что бы вы могли сказать тем, кто столкнется с таким и испытывает разочарование?**

— Помню, я работала в Митрополии, а митрополитом Киевским был тогда Филарет, который сейчас в расколе, анафематствован. Каждый раз я возвращалась опустошенная, безумно уставшая, работать там мне было очень тяжело. Духовно тяжело. И у кого я

находила утешение? У основательницы Покровского монастыря, ныне прославленной в лике святых царственной инокини Анастасии (из Дома Романовых). Приходила к ней на могилку, она похоронена прямо на территории обители, и разговаривала с ней, как с живой, жаловалась, просила помощи. И знаете, она удивительным образом всё разрешивала, как сейчас говорят, и помогала.

Поэтому если кто действительно страдает от мелких или больших искушений, пусть идёт к Настоятельнице — к Божией Матери, к святому угоднику — покровителю монастыря, просит помощи. Не нравится игуменья, начальство — не беда. Ведь есть Кому пожаловаться! Неожиданным образом эта помощь обязательно придет.

— **И ещё... Матушка, надо признать: «Исповедь бывшей послушницы» многих расстроила. Люди действительно испытывают огорчение, что такое есть. Что бы вы могли сказать тем, кто переживает и унывает после всего прочитанного?**

— Когда идет судебное заседание, если послушать адвокатов, то их подзащитные — просто ангелы. Если слушать прокуроров, то — злодеи несусветные. Две крайности. Но судья слушает одну сторону, затем другую и выносит свой вердикт. Так издавна повелось.

Маша выступает как некий прокурор — и мы её выслушали. Нужны ли адвокаты? Конечно, нужны. К слову сказать, подчас у некоторых монастырей и некоторых игуменов адвокатом становится Сам Бог.

В монастыре, который описывает Маша, чрезвычайно строгий устав. Но есть те, которые ищут именно такой строгости. Мне некоторые сестры говорили: «У вас, матушка, слишком мягкий устав, вы мягкая игуменья, а я хочу подвигов, хочу подвизаться, как мученица ради Христа. И пойду в тот монастырь, где всё очень строго». И действительно уходили в такие монастыри и чувствовали там себя счастливыми.

На Афоне очень суровый устав. В Киеве первые монахи вообще в пещерах жили.

В каждом монастыре — свой устав, и если ты не можешь, не хочешь его терпеть, ищи другую обитель. Да, есть люди, для которых «Лествица» — настольная книга, у них души закаленные, они хотят ради Христа кровь проливать, бороться с миром, плотью и дьяволом.

Есть прекрасная фраза в Священном Писании, слова Самого Христа: «Дерево, которое не Отец Мой насадил, искоренится». Дерево монашества посажено две тысячи лет назад и за это время не иссохло, но цветет пышным цветом, дает плоды святости — необыкновенные, потрясающие плоды святости.

Монастыри взрастили огромное количество преподобных жен, мужей, и даже советская власть, которая ненавидела и люто их истребляла, ничего не смогла с монашеством сделать. Как монахиня, я бесконечно благодарю Бога, что принадлежу к этой когорте людей, и не просто считаю, а знаю, что сие древо — от Бога, и искоренить его невозможно.

— **Ещё говорят, что монахи, священники бесправны перед начальством. Что вы можете сказать?**

— Дело в том, что настоятели и архиереи — это те же монахи, они тоже прошли школу послушничества.

Мой многолетний опыт говорит, что дедовщины, выражаясь армейским языком, в монастырях нет. Всё зависит от внутреннего взгляда, от того, с какой колокольни ты судишь, по Евангелию: «Если око твоё черно, то все вокруг тебя будет черно. Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?»

Если любишь свое дело, всё видишь в другом свете. Да, разные случаются искушения. Но есть в Церкви принцип — беспрекословного подчинения меньших старшим. И на кафедре в епархии, где священники должны подчиняться архиерею, и в монастырях, где монашескую послушность слушаются игумена. Так Церковь живет со времен Самого Христа. И будет так жить до скончания века.

Мы, монахи, сами отдаем себя в руки игумена. Более того, при постриге мы перед алтарем добровольно даем обет беспрекословного послушания, наряду с обетами нищеты и целомудрия. Для мира — безумие! Нонсенс!

Когда мир судит нас по своим законам, нам действительно трудно оправдываться. Мы живем в разных системах, разных измерениях.

Пусть Бог рассудит. Хочу обратиться к Маше. Вспоминаю Блока: «Любовью, грязью иль колесами она раздавлена — все больно».

Дорогая Маша! Твоя боль — это моя боль. Ты — это один из вариантов моей судьбы. Но запомни главное — ты с Богом! Он тебя никогда не оставит.

Для нас, служителей Церкви, судьба святой обители и судьба христианской души равноценны. Если ты позволишь, мы, твои сестры во Христе, будем за тебя молиться. Прости и отпусти!

Интервью взяла
Юлия КОМИНКО.

Зиновий Гердт: «Никакая власть не стоит благодарности»

Воспоминания о войне,

Вы как раненый пулевыми...

— это слова Михаила Матусовского из песни, которая вместе с кадрами военной кинохроники Великой Отечественной стала прологом фильма «Я вас дожждусь...» Якова Сегеля.

В эпиграфе: «Мальчишкам сороковых посвящаем...».

В этом фильме, снятом 35 лет назад, Зиновий Гердт сыграл свою любимую роль — учителя русского языка и литературы Аркадия Лазаревича Далмацкого.

Среди дорогих и тоже главных ролей, а их у него не много, — Виктор Михайлович Кукушкин в «Фокуснике» (1967) Петра Тодоровского, поставленном по сценарию Александра Володина.

К слову, в том же 1982 году были ещё две киноработы — поэт Оревуар из сказки «Ослиная шкура» (режиссёр Надежда Кошеверова, сценарист Михаил Вольпин) и Христофор Блохин из фильма «Сказки... сказки... сказки старого Арбата» (1982) Саввы Кулиша по пьесе Алексея Арбузова, в театральной студии которого он работал с 1939-го по июнь 1941-го — потом ушёл добровольцем на фронт.

— Зиновий Ефимович, говорят, что женщины могут сыграть в судьбе актёра роковую роль. Вы согласны?

— Согласен. И не только в судьбе актёра, но и вахтёра, шахтёра, шофёра... Далее — рифмуйте сами. Может быть, актёр более чувствителен, а так... Какая разница? Сказать почти по Шолом-Алейхему: актёр — всё равно что человек; человек живёт-живёт и умирает, и актёр живёт-живёт и умирает. Женщины?... Ну, может быть, и женщины... Я знаю актёров, на которых женщины играли, как на балалайке, и актёров, которые совершенно твёрдо стояли против всяких коварных действий с их стороны.

— И часто такое встречается в актёрской среде?

— Бывает, бывает, бывает... И в бухгалтерской не реже.

— Тем не менее у тех, кто посвятил себя искусству, влюблённость и творческий подъём, вероятно, особенно тесно связаны между собой?

— Есть человек, конкретный, очень много лет он был тайно влюблён (потом это стало явным) и работал, работал, работал — делал значительные картины. Но до того, как он влюбился в эту женщину, он тоже делал картины, и очень хорошие... Так что влияет ли влюблённость на творчество? Вроде должна. Во всяком случае, на сам дух человека. Сильнее это выражается у поэтов, живописцев — у людей, не обязанных переживать чужие чувства, говорить не свои слова, как это вынуждены делать актёры. Если бы Борис Чичибабин не влюбился в Лилу, разве наслаждались бы мы ей посвящёнными сонетами, один другого изысканнее и строже? Уж я не говорю о Пушкине, Данте, Петрарке... А сколько нам оставлено нежных и страстных влюблённостей в сонме «портретов жён художников»!.. А как у актёров? Целый спектакль воображать, что Джульетта — это твоя Оля или Лена? Это слишком плоско! Тут, видимо, задействованы совсем иные свойства души, воображения, темперамента, сопоставлений — да мало ли чего... Однако, рассуждая о любви счастливой, держу в уме и несчастливую, неразделённую любовь. Есть люди, которые переносят эту беду стоически, держатся героически. А есть — слабые. Они мне гораздо ближе. По всем статьям. Вот этих людей, страдающих, мучающихся, я очень люблю, жалею и в жизни, и в художественных воплощениях. А твёрдые, сильные... Я им не очень верю.

— Какой он, слабый, ещё в вашем представлении?

— Это человек, никогда не страдающий комплексом собственной полноценности.

— Признаться в том, что слаб, порой ведь не под силу?

— Это — удел гения. Не гордиться своей слабостью, а держаться за свою слабость, не привлекая никого к состраданию. Помните у Пастернака?

Когда ж от смерти не спасёт таблетка,
То тем свободней время поспешит
В ту даль, куда вторая таблетка
Протягивает тезисы души.

Тогда не убивайтесь, не тужите,
Всей слабостью клянусь остаться в вас.
А сильными обещано изжить
Последний язв, одолевавших нас.

Как это просто: «Всей слабостью клянусь остаться в вас!» Вообще, что такое слабость? Неуверенность в правильности своего поведения, даже — выбранного пути. Неуверенность — как же это продуктивно, что ли. Это залог того, что человек способен совершенствоваться.

— Однако сомнение...

— Прекрасно, когда сомневаются! Человек без сомнения страшен. Я его боюсь. Я долго и близко знал человека, который совершенно не сомневался в правильности своих оценок, своих поступков, суждений о добре и зле. Смотреть на это сбоку невероятно тяжело. Как-то я даже полюбостовствовал: «Вы когда-нибудь перед кем-нибудь извинились?» Он растерялся — не мог вспомнить случая, когда кому-то сказал: «Простите, пожалуйста, я был неправ».

А вы знаете, какая сладость — признать свою неправоту и повиниться перед человеком, относительно которого был не прав?! Какая сладость! В этот момент думаешь, что не такой уж ты и плохой, как кажешься самому себе.

— Да, но разве государство не воспитывало у нас чуть ли не с пелёнок прямо-таки бойцовский дух?

— Ну что говорить о нашем прошлом. Да и нынешнем.

— Хорошо. Сменим тему. Известно, что ваша страсть — русская словесность...

— Всю жизнь — не публично, конечно — я читаю стихи. Видимо, от чтения классической литературы идёт восхищение необыкновенно точно выбранным словом. Чем выше поэт — тем точнее подбирает слово в строку, тем скупее, скрупулёзнее относится к рифме, собственно к слову. В тех строках, что я прочитал, Пастернак, один из самых изысканных поэтов в смысле рифмы, зарифмовал «нас» — «вас». Примитивнее не бывает в школьной стенгазете. Но, оказывается, это не имеет значения, если надо точно выразить поэтическую мысль...

Докапываться до какой-то сокровенной сути, разгадывать тайны — занятие опять же сладостное. Надо доставлять себе удовольствие. Их не так уж много на свете.

— Какие, например?

— Радости рассыпаны по жизни. Каждый день происходит нечто, чрезвычайно тебя возвышающее. Однако мы законесли в суждении о проживаемом нами времени, убедив сами себя в том, что все кругом обозлены, что ненависть висит в воздухе. Всё это чистая неправда, ерунда! Видя лес, не замечаем деревьев, а каждое — исполнено добра. Даже если в орущей что-то бессмысленное толпе взять любого человека и участливо посмотреть ему в глаза, окажется, что он не лишён добрых человеческих чувств! Отчаяние или инстинкт толпы довели его до скотского состояния. Уверю вас! Хорошо. Понимаю. Меня узнают. Но, думаю, даже не в этом дело. Просто кто-то поймал на себе располагающий взгляд другого, совершенно чужого, не зависящего от него человека. Огромная сила — расположенность загодя.

Вот замечание по жизни. В магазине за хлебом без очереди вошёл такой взлелеявший свою косичку мальчик. В одной из строк «Евгения Онегина» есть потрясающая концовка:

И молча обменённый взор
Ему был общий приговор.

Его, этого птенчика, никто не осуждал, но — «молча обменённый взор ему был общий приговор». Так вот, поймать взгляд постороннего, совсем незнакомого тебе человека, с которым точно совпал даже в оценке чего-то такого внешнего, необыкновенно приятно! Ты понимаешь, что он добрый, вдумчивый, не поверхностный человек...

Сейчас к нам из Петербурга приехала приятельница с очень давних пор, пережившая блокаду. Она никогда не жалуется на власть, считая это занятием пошлым, банальным. Потому что никакая власть не стоит благо-

дарности, а, конечно, только осуждения. Жаловаться на власть просто стыдно и некрасиво. Спрашиваю: «Лена, вот у тебя пенсия сорок четыре тысячи. Как же ты живёшь?» — «Мне хватает. Конечно, колбас не покупаю, мясо не каждый день, да оно мне и не нужно так часто, транспорт почти весь бесплатный, в Москву еду в сидячем поезде — всё не так страшно». Вообще, это потрясающе интеллигентный человек!.. Она одинока, у неё нет детей, но догадаться о том человеку постороннему невозможно! Она всю жизнь в детях. Вот есть какой-то мальчик Ваня, очень болезненный, претерпевший какие-то жуткие операции. Лена его выходила, выносила только что не в утробе... Есть Марьяша — это внучка её подруги. Марьяша сейчас родила девочку — Лена ежедневно ездит к ней. Это её внучка, понимаете, в чём дело?! Никакой разницы — родственники или нет — для неё не существует!

— А для вас?

— Мама моей жены, она была необыкновенной дамой, как-то заметила: «Родственники только те хороши, которые способны стать друзьями. Ну что мне оттого, что мы единородные? Кровавой этой связи я не чувствую». И я — тоже. Среди моих родственников есть два человека, которые мне близки по духу, я их люблю. То, что они ещё и родные, уже случай... Я очень рад успехам своего сына от первого брака Севочки. Он хороший инженер, научный работник. Прибавляет ли мне гордости, собственно, его статус родственника? Да нет, не думаю. Просто он человек милый, мне приятно держать его за бороду. Он интересен мне как личность.

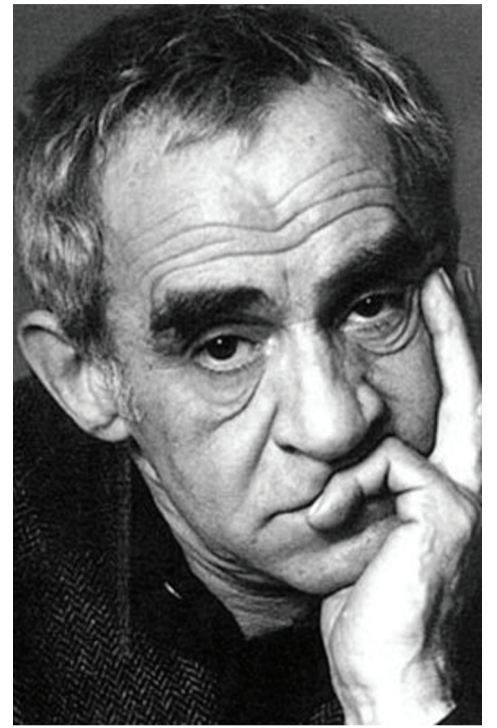
— Помните ли вы свои поражения?

— В ремесле?.. Их больше, чем побед. Ну, без этого не бывает, но Бог с ним, с ремеслом! Не могу вот уже больше пяти лет пережить полное фиаско, какое я потерпел в одном совсем чистом — казалось! — абсолютном беспроигрышном деле. Есть у меня подруга Вера Павловна Веденина. Эта прекрасная женщина, не задумываясь о своей жизни, 13 февраля 1943 года спасла мою, пронесла меня, раненого, с километр на своих руках. Она воевала всю ту войну, большое сердце, четвёртый этаж «хрущёвки». И я положил себе: «Расшибусь, пойду «торговать лицом» перед начальниками, добьюсь!» Брячихин, тогдашний партийный хозяин района, Илья Заславский, предрайсовета — каждый, что-то пообещав, ничерта не сделал. Верочка лишней раз за молоком не спустится — потом ведь надо ползти на четвертый... А Умалатова, на всех митингах заступающаяся за малоимущую фронтовичку, за мою Верочку, уже, говорят, приватизирует что-то весьма престижное в Крылатском. Вот это моё страшное поражение. Пойду попрошусь к Лужкову, даст Бог, что и получится...

— Вернёмся к вашему замечанию о, по сути, стереотипном восприятии времени, в котором живём. К тому же «холод жизни» — опять отсылка к «Евгению Онегину» — извечен. Выходит, ситуация крошечной безысходности, вбиваемая в сознание, нагнетается искусственно? Это очередная спекуляция на чувствах сограждан?

— Думаю, да... Видимо, меня могут заподозрить в идиотизме — что за оптимизм в такую пору? Что ж, пусть.

Безусловно, есть огорчения глобальные, всесветные. Огорчения относительно общества, в котором мы живём. Я актёр и людей окрест, так или иначе, числю публикой. Так вот, публика у нас получилась ужасная. Ну какого чёрта Нонна Мордюкова, Инна Чурикова, Вячеслав Полушин, да и другие актёры стара-

ются, даже премии какие-то получают, когда публику это ничему не учит?! Публике не нужна великая Инна Чурикова! Не нужна!!!

— Быть может, вы преувеличиваете?

— Чурикова нужна вдумчивому, сострадающему меньшинству. А большинство верит чудовищной — ну ни в какой самодеятельности ПТУ это не может быть признано даже на мало-мальском уровне! — игре лидера очень такой популярной партии! Его кошмарное наигрывание нельзя смотреть без душевных мук! Душевно страдаешь от того, что человек занимается твоим делом — то есть актёрством, но так мерзко, что просто стыдно становится. (Не ему — мне!) А публика ему внимает. Значит, публика настолько извращена и испорчена жутким искусством, которое ей насаждалось три четверти века, что потеряла оценки, критерии хорошей и плохой игры. А человек, вообще не играющий, не умеющий играть, а лишь старающийся выразить правду, вызывает у неё раздражение, неприязнь...

Вы можете себе представить, чтобы Сахаров приспособился, как произнести ту или иную фразу — громче, тише или вот так набивать, или выбирал перед зеркалом нероновоускую причёску, кривлялся? Нет, невозможно! У него, как говорилось раньше, этого в заводе нет. И у Гайдара в заводе нет игры, он не актёр. И Элла Памфилова — чистое, совестливое существо. Оказываетесь, это минус, изъян для политика. Надо быть популистом — а они не могут сказать глупость ради эффекта. Есть люди, которые не умеют врать. Совершенно не врущий человек выглядит идиотом — на этом построены классические персонажи! Он не понимает: ложь во спасение или нет, говорить неправду для него — выше сил...

Вообще, как это удивительно — наивность и убеждённости! Помните, в дивной, необыкновенной пьесе «Две стрелы» Александра Володина Глава рода, вычисляя убийцу Длинного, говорит Ушастому:

«— Можно подумать, что ты его и убил <...> Стрелы-то были твои?»

— Ну и что?

— Значит, если ты не убивал, ты должен это доказать <...>

— Я же знаю, убивал я или нет!

— Это верно...»

Поверил. Тогда, в доисторические времена, ещё не умели врать... А теперь нередко в поступках (публичных!) умысла больше, чем помысла.

— Но и дело, задуманное как благое, нечаянно, в секунду, ненароком может лишиться этого посыла?

— Когда-то мы были в Румынии на гастролях и там познакомились с милейшей дамочкой-переводчицей, русской по происхождению, совершенно нищей, мечтавшей побывать в Москве. И вот последний спектакль. Банкет. Принимали нас необыкновенно пышно. Ночью после торжества по лунной улице возвращаемся домой — раздобревшие, сытые, пьяненькие немножко, и тут мне сослуживец, вполне благополучный человек, говорит: «Знаете, по-моему, я сейчас сделал очень хорошее дело!» — «Какое же?» — «Подарил Людмиле тысячу лей на поездку в Москву». — «Действительно, дело хорошее. Единственно, что скверно...» — «Что скверно?» — «То, что вы мне об этом рассказали...» — «Да, да!.. Ну кто меня за язык тянул?! Ужасно хотелось похвастаться!..» Но этот-то человек хоть признался, что не удержался — хотел выглядеть хорошим в глазах другого. Вот ведь в чём дело...

— Афишируемая почти на каждом столе благотворительность вызывает чувства довольно противоречивые, не так ли?

— Да, понимаю, что благо здесь больше, чем противного. Но то, что спонсоры стремятся быть на виду — смотрите, мол, какие мы добрые!.. Что-то есть в этом... Помните, как прищучил Верховный Совет Сахарова: «Вы трижды получали Ленинскую премию! Куда дели эти деньги?!» (Кстати сказать, то была сумма немаленькая — сто тысяч рублей, по нынешним временам — сто миллионов.) И Андрей Дмитриевич нехотя, его уже просто к стенке прижали, ответил: «Мы отдали эти триста тысяч на строительство онкологического центра». Но целое общество о том даже и не знало! Сам Сахаров жил в маленькой квартирке, не имел никакой красной мебели... Вот два разных поступка, два разных дарения. Сопоставляйте. Люди хотят выказаться. Конечно, так было во все времена. Но в воспитанном русском обществе знают, чего нельзя делать публично. Предвижу саркастическое: «Это вы будете учить меня, как следует вести себя в русском обществе?!» Извините, так получилось, ничего не могу поделать...

— **Ваше отношение ко всякого рода непрофессиональным художественным коллективам, как надо полагать из ваших слов, довольно скептическое...**

— Нехорошего в этом не так уж и много. Хорошего — довольно мало... Но любое занятие мальчиков и девочек в изо-, фото-, музыкальных и тому подобных кружках считаю благом, потому что в это время они не пьют в подворотных политуру, не колются, не насилюют, а приобщаются к более или менее культурному существованию.

Что же до взрослых... Дилетанты — если это не касается медицины, политики, науки, а также стихосложения — самые лучшие люди на свете. Однако если человек воображает себя поэтом, сумев зарифмовать четыре строчки, это беда. Графоманство — одно из самых распространенных заблуждений в любом обществе. Но в России оно наиболее выражено, конечно. Из сонма пишущих гениев — один. По этому поводу у Давида Самойлова есть стихотворение, написанное белым стихом. Звучит примерно так:

В этот час гений садится писать стихи.

В этот час сто талантов садятся писать стихи.

В этот час тыща профессионалов садятся писать стихи.

В этот час сто тыщ графоманов садятся писать стихи.

В этот час миллион одиноких девиц садятся писать стихи.

В этот час десять влюблённых юнцов садятся писать стихи.

В результате этого грандиозного мероприятия

Рождается одно стихотворение.

Или гений, зачеркнув написанное, отправляется в гости.

Нет-нет, я обожаю дилетантов! Среди них бывают очень одарённые люди. Человек с любовью занимается каким-то делом не ради хлеба насущного — и этим он прекрасен! У меня есть знакомый, он физик-теоретик, членкор, Евгений Львович Фейнберг. Лучшего знатока мировой живописи, литературы и философии я не знаю — этим творчеством он замечательно коротает досуг; им написано множество эссе по искусству, ещё при жизни Твардовского опубликованных в «Новом мире».

— **Ещё о ваших литературных интересах. Кажется, к Бабелю у вас особое почтение из пишущих в этой же манере? Скажем, дважды в одном и том же 1989 году вы сыграли его Арье-Лейба — в фильмах «Биндюжник и Король» Владимира Аленикова и «Искусство жить в Одессе» Георгия Юнгвальда-Хилькевича; есть у вас и совместная работа с Михаилом Филипповым — спектакль «Одесские рассказы» Исаака Бабеля» (режиссёр Никита Тягунов, 1984)...**

— «...В этой же манере...» Образ мысли этого писателя не может не быть близок любому. Его поиски выразительности, строй образов, его метафоры не могут не увлекать. Но со временем происходит какое-то переосмысление: ну успокойся чуть-чуть, право, не надо уж так восхищаться, превозносить кого-то одного... Ведь смотря что с чем сравнивать. С Толстым? Любое сравнение будет в пользу Льва Николаевича. Хотя бы потому, что им так ценились простота выражения, ясность, абсолютно игнорировалась эффектность речи. В русской поэзии? Баратынский. Столь умного, художественно мыслящего, самоироничного поэта нет, мне кажется, не то что в русской, но, может быть, и в мировой поэзии.

*Желанье счастья в меня вдохнули боги;
Я требовал его от неба и земли
И в след за призраком, манящим издали,
Жизнь перешёл до полдороги,
Но прихотям судьбы я боле не служу:
Счастливым отдыхом, на счастье похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу —
И скромно кланяюсь прохожим.
Как современно, не правда ли?.. Какая не-*

возможная личность, какое необыкновенное счастье, что ты с ним дружишь! У меня есть такие друзья и среди живых тоже.

Ирония, обращённая на себя, как же это высоко и завораживающе! Думаю, это одна из самых ведущих черт любого мыслящего человека. Она никогда не поставит тебя в глупое положение относительно общества, и ты вряд ли будешь виноват перед людьми, если иронично относишься к самому себе. Ну как не хватает самоиронии замечательному молодому человеку Явлинскому!.. Или Шахраю... Не хватило самоиронии — и они друг с дружкой все перессорились при виде жуткого обвала, той кошмарной гибели, которая надвигается на нас, поверивших им. Обиделись! Ну надо же!.. Как можно Лукину, который публично декларировал дружбу с одним из самых самоироничных людей на свете Юликом Кимом, ничего не перенять от него?! Это ж с ума сойти!.. При том, что человеком кажется вполне восприимчивым, образованным...

Гениально всё-таки нашёл определение некоему явлению нашей жизни Солженицын — «образованщина», что вовсе не тождественно понятию «интеллигентность».

— **Что, на ваш взгляд, помогло бы её воспитать?**

— Думаю, интеллигентность воспитывается чтением русской литературы. Люди наизусть знают Пруста, Манна, Борхеса и тому подобных и забыли «Дворянское гнездо», «Вешние воды». Как это возможно? Быть русским, русскочитающим — и предать забвению такое рассыпанное перед тобой богатство?! И не надо бегать по книжным лавкам, искать — достаточно просто достать книгу с полки...

Последние годы я и на два дня не могу расстаться с синим томом Пастернака — на мой взгляд, это самое лучшее издание. Уже и истрёпан он, залестан, какие-то странички выпадают... При том, что читаю этого поэта целую жизнь, знаю очень многое наизусть, копаться, раскапывать истинный смысл в его удивительных строках — раньше как-то не замечал то место и только сейчас вдруг понял: так вот, оказывается, в чём тут дело! — невероятное наслаждение! Как это интересно!.. Дважды брался за «Фауста», но так и не одолел, пока его не перевёл Пастернак. Боже мой, неужели по-немецки это звучит так же высоко и прекрасно?! Не может быть!.. Конечно, нам ещё дико повезло: гениальные писатели переводили великих иноязычных сочинителей.

В общем, греет и держит на плаву, как принято говорить, знание того, что живёшь в одно время с какими-то совершенно особыми, необыкновенными личностями. Есть учёный Сергей Сергеевич Аверинцев, мы с ним не знакомы, но всякое сказанное или написанное им слово доставляет мне наслаждение. Ну какое счастье, что у этого народа есть Аверинцев! Это же необыкновенно, правда?! Аверинцев, которому Бог не дал и не даст быть участником чего-то грязного, корыстного, да просто безвкусного.

— **Похоже, и здесь ваши приоритеты, как у Пастернака в строках из стихотворения «Дерево, только ради вас...»:**

*И если мне близка, как вы,
Какая-то на свете личность,
В ней тоже простота травы,
Листвы и выси неприличность.
И вы вообще не позволяете себе никаких уступок?*

— Что вы, вся жизнь соткана из компромиссов! Без них не бывает. Во всяком случае, у меня. Хотя, конечно, смотрю на каком поводе допущена уступка... Вот открыл сегодня подаренную книжечку с пietetом на четыре строчки в мой адрес. Начал читать. Какое же чудо-вище! Мы не только с автором по разные стороны баррикады, из разных станов, но он — мой идейный враг. Удивительно, что человек, просидев полтора часа на моём выступлении, сам того не заметил! Я вовсе не желаю ему худа. Может, образумится. Как цыгане говорят, ещё наборзится — возмузжает.

У меня есть замечательный друг, хороший учёный, вот он совсем не умеет идти на компромиссы. О компромиссах просто речи быть не может. Этот человек, Владимир Иванович Зенков, не способен ни соврать, ни попросить о какой-то услуге — а, наоборот, только отдавать, отдавать, отдавать. Всё время. А пособить его нужде — уж как надо постараться изловчиться, чтобы он ничего не заметил. Жутко щепетилен.

— **Вашего имени сегодня, увы, не видно на театральных афишах...**

— В театре не играю. Но — зовут. И довольно часто. Уже, видимо, года полтора у меня совсем нет долгов, пенсия приличная, башмаков и кофт нам с женой покупать не надо — словом, экономически я свободен, поэтому от предложений, не самых соблазнительных, могу отказываться. Тоже, скажу вам, изрядное удовольствие.

Елена Константинова.

Беседа завизирована 12 апреля 1994 года.

Опубликована впервые в «СК-новости»

15 ноября 2017 года.

Игорь РОЗОВ

«Ионычи»?

1.

Напротив трамвайного депо, через дорогу, в самом начале Степовой, в старом трехэтажном доме жил доктор Чехович. Дед был его знакомцем с сорок четвертого, со дня освобождения города. Это я потом узнал, что старик практиковал еще с начала прошлого века. Поселился на Молдаванке и никуда оттуда не съезжал. К Чеховичу меня привели, когда были испробованы все методы лечения моего воспалившегося уха. Месяца три я ходил в школу с повязкой через голову, вызывавая зависть одноклассников. Еще бы! К доске не вызывали: плохо слышу. Контрольные не пишу: ой, болит, спасу нет! Словом, лафа. Деду мои выходки надоели. В ближайший его выходной мы появились у старого лекаря. Гнутые «венские» стулья вокруг круглого стола. Какой-то поднос с незнакомыми блестящими предметами. И старик в белом халате, с бритыми лицом и черепом.

— Садитесь! — кивнул в сторону стула.

Размотал повязку. Воткнул в ухо какую-то прокладную шпатель и что-то долго там рассматривал. Потом сел за стол и на бланке, где сверху было напечатано «Доктор Чехович», стал выводить четким почерком непонятные слова. Теперь понимаю: писал рецепт на латыни. Повязку он поменял. Сунул деду в руки рецепт и отвел его ладонь, таянущую к карману белого халата.

— Нет, нет, Алексей Ильич! Это я — Ваш должник. Идите сразу в аптеку. Капать три раза в день. Через неделю — ко мне.

Провизор долго изучал написанное Чеховичем. Потом недоуменно вздохнул и приказал зайти вечером. Эту темную воющую гадость — запах помню до сих пор! — капали в ухо семь дней. Когда бабуля привела меня в уже знакомую квартиру, я был без повязки, понимая, что мои «больничные» каникулы испарились. Чехович прожил долго. Лет до девяноста. Его хоронили всем двором, а на улице теснились люд разных возрастов. От стариков до молодых. Полагаю, бывшие пациенты. Вот как определить, кем он был для этих людей? Наверное, «семейным» врачом...

2.

Год назад жена пошла выгуливать нашего Левку. Псиная глупая, но добрейшая. Произошло это утром. А ночью шел дождь. Потом ударил мороз. И асфальт к рассвету превратился в каток. Левка, понятно, не очень-то желал гулять по холоду. И где-то к середине квартала, перед выходом на бульвар Жванецкого, рванул домой. Результат? Приехал сын и увез Наталью в травматологию.

Разговор с врачом.

— Будем накладывать гипс или предпочтете специальную повязку?

Тут я сделаю небольшое отступление. Поскольку ничего не понимаю в медицинской терминологии, использую исключительно бытовые определения.

— А что лучше, доктор?

— Повязка. Она хорошо держит локтевой сустава. Но стоит дорого...

Сын:

— Где ее купить?

— А в вестибюле есть наш киоск.

Сын:

— Нужен какой-то рецепт?

Врач:

— Я пойду с вами и сам скажу, что надо.

Принесли. Приспособили. Пару месяцев жена носила. Теперь эта штука лежит где-то на полке. Каждый визит стоил нескольких сотен гривен врачу и чуть меньше медицинской сестре. Она «губкой» острожно вытирала плечо и локоть. Бюджет лечения не фиксировал. Понимаю: у каждого он бывает разным. Допускаю: кому-то ничего не стоит, а кто-то платит за это бесплатное многократно.

Посему статья 49 Конституции Украины, звучащая так: «Каждый имеет право на охрану здоровья, медицинскую помощь и медицинское страхование. Охрана здоровья обеспечивается государственным финансированием соответствующих социально-экономических, медико-санитарных и оздоровительных-профилактических программ. Государство создает условия для эффективного и доступного для всех граждан медицинского обслуживания. В государственных и коммунальных учреждениях здравоохранения медицинская помощь предоставляется бесплатно; существующая сеть таких учреждений не может быть сокращена. Государство способствует развитию лечебных учреждений всех форм собственности. Государство заботится о раз-

витии физической культуры и спорта, обеспечивает санитарно-эпидемиологическое благополучие», — это «липа».

Что всем хорошо известно.

Аптеки специализированные киоски при больницах — это еще одна история. Мне приходилось лежать в одной из одесских больниц. Происходило все в середине девяностых. Так вот, лекарств, нужных для лечения, там не было. Но в аптеке на первом этаже и жена, и сын покупали все необходимое.

Кто-то мне рассказывал такую версию. Врачи выписывают лекарство, которое есть только в знакомой им аптеке. И за это получают «откат». Довольны все: и лекарь, и провизор, и поставщик препарата. Внакладе, как всегда, пострадавший. Больной.

Не знаю, насколько реально такая схема. Допускаю: преувеличиваю. Но червяк сомнения волнует: а вдруг — правда? И если это так, то принцип «сооплаты», который заложен в принятую парламентом медицинскую реформу, опасен для кошелек большинства украинцев. Подчеркну: никто сегодня не знает, как будет формироваться, к примеру, цены на хирургические операции разной сложности. «Семейный врач», без направления которого больного не примут в больницу, может оказаться в одной «упряжке» со своим коллегой — профильным специалистом из этого учреждения.

Последний обладает возможностью задурить голову пациенту и его близким рассказом, что без определенного лекарства, процесс выздоровления не пойдет. Препарат может стоить дорого. Очень дорого. Но что остановит нас на пути спасения любимого и близкого человека? Что? Прекрасно, если у кого-то солидные доходы. А те, что лишены этой радости? Квартиру продавать? Впрочем, пока до таких печальных выводов время есть. Вдруг государство проявит гуманность и для малоимущих сделает медицину бесплатной?

3.

В компанию, где служит мой сын, приехал коллега из другого города. Было это года два назад. Поздняя осень выдалась теплой. Мужик заявился в Одессу не то чтобы налегке — теплые вещи у него были, но не учел опасность нашего ветра у крошки моря. Словом, через парудней — занемог. Кашлял. Чихал. Потом затемпературился.

Его отправили в один из модных в городе медицинских центров. Симпатичная барышня-терапевт усадила пациента в удобное кресло. Расспрашивает, что-то одновременно набирая на клавиатуру. Через минут пять-десять выдает диагноз: простуда, обыкновенная простуда. Несколько удивленный гость из другого областного центра Украины покинул уютный и красивый кабинет, изумляясь: до чего в Одессе дошла медицина! Даже не прослушали легкое, не заставили поднять майку. Медицина XXI века!

К вечеру температура подскочила почти до 39 градусов. Андрихо привез к коллеге в гостиницу своего бывшего одноклассника, отдохнувшего у родителей в отпуске. Врача. Тот после осмотра схватился за голову и срочно вызвал «неотложку». У командировочного нашли воспаление легких.

Предполагается так называемая «онлайн-консультация». Когда по телефону или по «Скайпу», «семейный» врач будет ставить диагноз. Ну, чтобы не выезжать на дом, не тратить свое драгоценное время на передвижения по городу. Не убежден, что в каждой одесской квартире есть компьютер. Уверен: далеко не каждый пользователь подключен к «Скайпу». Это я об Одессе. О районных центрах или отдаленных селах — молчу. Там электричество может отсутствовать если не месяц, то неделю точно.

4.

У Антона Павловича Чехова есть рассказ «Ионыч». Я вспомнил его не сегодня. И не в связи с медицинской реформой. И уж тем более не затем, чтобы проследить путь превращения романтического молодого врача в упитанного дельца от медицины.

В этой профессии, как в любой другой, есть разные люди. Понимаю, вывод — банальный. Но куда без него? Если повезет, как мне в детстве, то встретится доктор Чехович. А кому-то — барышня из модного медицинского центра, хотя, полагаю, и там присутствуют стоящие профессионалы. Но здоровье — это промежуток между рождением и смертью. Конечно, лучше не болеть. А то вдруг к вашей постели придет не Чехович, а Ионыч?

Елена КАСЬЯН

Сезонные смыслы

Всё будет так, как должно. Пройдут дожди, уляжется ветер, улягутся листья. И в этой сезонной наготе не будет весенней трогательности, но лишь строгость и отстранённость.

Поверх всего упадёт первый снег. Так присыпают тёплый ещё пирог сахарной пудрой, а она темнеет, растворяется, тает... и нужно присыпать заново.

Затвердеет мякоть, затянутся прорехи. Поблекнут цвета, просочатся внутрь каждого предмета и заживут другой — тайной — жизнью. Никаких внешних избытков, теперь только вглубь, к самой сути, к сердцевине.

Время новой оптики, контрастного пространства, внимания к неочевидным вещам, чьи смыслы становятся более выпуклыми и отчётливыми.

Кто-то ещё успеет напасти немного тепла, распахнуть по карманам, спрятать за пазуху.

Горечь остынет и ляжет усталостью на дно души.

Лягут в постель влюблённые и нелюбимые: кто-то — в свою, кто-то — в чужую, кто-то — в ничью...

Осень всех разложит по полочкам и ячеек, всё уточнит и приведёт в соответствие.

Время внутреннего безмолвия и созерцания.

Время обучения новому сердечному ритму.

Время густеет, словно ранее собранный мёд. Теперь перезревшее лето будет настаиваться в тайных кладовых до следующего сезона. Зимой можно будет принимать его по чайной ложке воспоминаний — как лекарство, как профилактику от холода и одиночества.

Город ещё тёплый, и воздух его прозрачен. Но осень уже проступает в прожилках листьев, в случайных порывах ветра.

Небесный маятник снова качнулся в сторону внутреннего севера, и скоро наступит время тёплых шарфов и мягких пледов, горячего чая и ранних сумерек.

А пока сентябрь. Янтарная сердцевина года, его каштановое сердце — тёплое и шершавое на ощупь. Время новых смыслов и новой оптики, опыт отвыкания и отпускания.

В воздухе столько смерти, что жизнь прекрасна! Сейчас понимаешь это острее.

Хочется бесконечно смотреть на эту качающуюся крону огромного дерева за окном... Так ветер обнаруживает себя, не имея иных возможностей показать своё присутствие, не умея обрести ни цвета, ни плотности.

Так внутри меня раскачивается тяжёлый маятник, всё сильнее и сильнее, пока не пробьёт одну из стен. И, кажется, уже нет разницы, куда падать сердцу...

Только бы эти колыбельные ветви всё качались и качались, только бы сентябрь нежно и уверенно проступал в прожилках листьев.

Сентябрь прозрачен, его воздух пронизывающим. Его звёзды ярче и ближе, чем когда-либо. Они смотрят в тебя до самого дна, молча, словно глаза вечности.

Концентрация этой тишины порой становится невыносимой.

И чтобы разбить эту тишину, приходится произнести слово. Оно зреет в тебе, как гроздь винограда, как тёплая мякоть персика и абрикоса, как садовая роза, оплетающая ограду внутреннего сада. Оно наполняется соком и светом, силой и нежностью, единственным смыслом. И слово это — Бог.

Где в песне ветра — отрицание смерти, Уже душа прозрачна и легка, Ещё стоишь, как продолжение тверди, Но прямо сквозь тебя течёт река.

Ещё сшиваешь мир с изнанкой слова, Не ожидая ничего взамен, Ещё не отнят у всего живого, Уже разъят на космос и на тлен.

Уже разъят на жизнь и на иное И разделён на музыку и тишь, Где каждый звук отточен и отстроен, Где ты вот-вот с Господних уст слетишь.

Каждый раз осень волнует меня много сильнее, чем другие времена года. Здесь, в сентябре, начинается новый отсчёт, душе задаётся правильная настройка.

Мир немного горчит и чувствуется острее. Во всём проступают какая-то обречённость и надежда одновременно.

Я вижу, как пространство делается объёмной и прозрачной, словно всё материальное и плотное истончается и истлевает.

И только ветер всё качает и качает небес-

ный маятник, и в незримых часах бесшумно двигаются стрелки.

Время внимательности и смирения.

В осени всегда есть что-то трагичное. В любой красоте увядания есть этот трагизм. В любой красоте вообще.

Но этот мягкий свет, но эти ранние сумерки, но эта интимность мира по отношению к тебе — так ощутима именно теперь.

Осень впитывает тебя аккуратно, внимательно, неспешно. Как сырой материал, как зыбкую субстанцию. Замешивает тебя очень чутко — до густоты и пластичности. И только потом, зимой, в тебе начнут кристаллизоваться новые формы, застывать изразцами, заостряться гранями.

Точно так же ведёт себя одиночество...

Осень обнажает в нас истинные чувства, уточняет в нас возраст.

Перемены едва заметны, но вечность уже подступает к самому стеклу, упирается в него лбом, и нет никакой возможности отвести глаза.

Осень строже требует честности, словно упрямая всё внешнее, обращает тебя внутрь, заставляет структурировать собственное пространство. В ней есть что-то непоправимое, необратимое...

Именно осенью время приучает нас к утратам вдумчивой и аккуратной, как к обычному порядку вещей.

Здесь узнаёшь, как ощущение дома переходит извне вовнутрь. Как вдруг открываются смыслы, которые важнее жизни и смерти. Как люди оказываются много лучше, чем ты мог себе представить. Как одно короткое мгновение способно прокормить целую вечность. Как много Бога в каждом дыхании. Как часто мы находим совсем не там, где ищем. Как великие сокровища скрываются в самых простых вещах. Как отношения всегда важнее, чем доказательство собственной правоты. Как расстояние не делает близких далёкими. Как свет можно найти даже в самой непроглядной тьме. Как шатка и непрочно наша реальность. Как жизнь ни на что не даёт гарантий. Как вечность проступает во всём, чему ты уделишь хоть немного своих внимания и тепла. Как много нежности может быть в самом суровом сердце, и как много духа в самом хрупком теле. Как добывают жизнь из почти ,Эпольного её отсутствия. Как любовь творит чудеса...

Дни всё короче. Пространство всё прозрачней...

Кажется, любой предмет теперь можно пройти насквозь. Свет такой пронзительный и почти ирреальный, словно на цветных снимках нашего детства.

Крона большого дерева за окном всё больше становится похожей на лоскутное одеяло. Чувствуешь, как и тебя осень латает — так же надёжно, легко и почти безболезненно.

Палитра меняется неспешно, осторожными мазками. Чуть больше резкости и контраста, чуть мягче и приглушённое тона.

Замечаешь, что даже сны становятся цвета сепии.

Сумерки густеют незаметно, как черничное варенье на медленном огне. Проснёшься ночью, сядешь в постели, и кажется, что тьма вот-вот выдавит стёкла, вольётся в комнату, и ты утонешь в ней, словно в чернилах...

Простые вещи уже не выходят из моды:

мятный чай, запах яблочной шарлотки, тёплый плед, вкус спелого инжира, утренний поцелуй, вечерняя прохлада...

Жизнь. Ничего, кроме жизни.

Уже зима касается плеча.

Покуда страх отлаживал прицелы, мы говорили о простых вещах и потому опять остались целы.

В картонном небе пробивая брешь, моя печаль летела и летела, но тишины винительный падеж теперь всё строже спрашивает с тела.

В который раз в попытке уравнивать с воздушным змеем самолёт бумажный я понимаю: нечего сказать, когда уже различие не важно.

И, к пустоте спины прислонясь, смотреть, как снег проламывает время, и, наконец, увидеть эту связь всего со всем, меня со всеми.

Всё, что осень в нас уточнила и сконцентрировала, все смыслы, которые она уплотнила и замесила в нас до густоты и пластичности, зима теперь должна огранить и кристаллизовать.

В отличие от осенней внимательной строгости и почти интимности, зима хладнокровна и безапелляционна.

Здесь не так много места для манёвра. Всё, что было обращено внутрь, теперь работает на обогрев собственного пространства. Всё, что обращено вовне, застывает коваными цветами в перилах лестниц.

Ещё несколько ступеней вверх, хотя бы несколько, пока кто-то собирает буквы из колодезья льда...

Время принудительного взросления. Время контуров и трафаретов, ничего лишнего.

Уснути из осени в зиму...

Это всегда немножко волшебство.

Это как в детстве — проснуться в первый день новогодних каникул. Столько разных возможностей, столько беспричинной радости, столько свободы!

Кажется, что новая жизнь начинается прямо с утра, что для счастья не нужно ничего особенного, а жизнь бесконечна и полна невероятных приключений.

Я помню времена, когда было желание проскочить зиму и очнуться уже в марте. Сейчас хочется смаковать каждый день. Смотреть, как подёргивается утренней дымкой проспект, как лужи стягиваются ледяным хрусталём, как из облаков понемногу просыпается снежная пыль, как посреди города монтируют огромную ёлку, как мамы кутают деток в шарфы, как галки в сквере оставляют тонкие следы на снегу, как заливают каток на центральной площади, как наряжают витрины к праздникам...

Хочется гулять по городу, выдыхать пар изо рта, прятать нос в шарф, смотреть на летящий снег, запрокинув голову.

Мне думается о том, что мы не умеем проживать свою жизнь. Особенно — когда она не оправдывает наших ожиданий. Кажется, что мы можем её как-то игнорировать, на что-то отвлечься, побыть в стороне. Нам даже кажется, что проще поучаствовать в какой-то другой чьей-то жизни, пока наша протекает не по самому лучшему сценарию. Так, словно мы можем выйти из неё, как из автобуса,

чтобы потоптаться немножко на остановке и сесть в следующую. Но, вот незадача, следующего не будет!

Свою жизнь нельзя переждать ни в каком другом месте, ни в какое другое время.

Поэтому берегите себя. Не спускайте с себя глаз.

Зима раскачивается, как маятник — то дождь, то снег, то мороз, то оттепель. Медленные трамваи перетекают по городу цветными лентами. Предпраздничные витрины, цветные гирлянды, новогодние открытки, ярмарка на центральной площади, сахарные петушки на палочках...

Я снова пятилетняя девочка.

Память моя — лабиринт. Смотрю на него с высоты птичьего полёта: там облупленные стены, там кукольные домики, парковые скамейки, кладбищенские дорожки, мирт да шиповник, гравий да брусчатка. Столько жизни уместилось в этом картонном городке, в этой карманной вселенной.

Иногда нам кажется, что мы особенные, что нам отведена какая-то важная, но пока ещё не совсем различимая роль, что мы можем подарить что-то уникальное, что-то ценное этому миру... если только он обратит на нас внимание. Иные ведут себя так, будто это уже произошло.

Но как же велик зазор между тем, кем мы себя видим, и тем, кем являемся на самом деле.

Иногда стоит сечь мосты лишь затем, чтобы перейти реку вброд.

Как холодна моя вода, как непроглядна...

Но теперь я вижу, как много прекрасных людей на том берегу. Как они не спускают с меня глаз. Как невидимое небесное вещество течёт сквозь всех нас, заполняя пробелы и пустоты.

В ожидании снега город спит на семи холмах. Ветер качает его на небесных качелях. Моё сердце рвётся от нежности и печали. Ни то, ни другое больше не смертельно.

Вечером город ужимается до пары близлежащих улиц, до нескольких крыш, до размеров двора, который видно из окон. Огоньки проезжающих машин свидетельствуют движение времени вернее, чем мерное тиканье настенных часов. Медленный снег, летящий поперёк света фонарей, напоминает всё сразу: дом в другом городе, новогодние праздники в прошедшем столетии, людей, приходящих ко мне зимой, и других, уходящих от меня в зиму. Каждый раз, подходя к окну, чувствую себя маленькой, и хочется непрестанно загадывать желания. Так, словно снег — гарантия непреходящего волшебства.

Это такое время. Оно сгущается, как патока, как воск в прошлогодних сотах... становится древесной смолой, янтарём, кристаллом. Стрелки часов делают полный круг, и ты стоишь по колено в зиме, как вечная Герда (календари здесь бессильны), где-то впереди маячит твой персональный Северный полюс. Но эти глыбы и глыбы льда нужно растопить — во что бы то ни стало. И кроме тебя, похоже, у тебя нет больше никаких средств.

Такое время... Это потом оно расслоится на амальгаму и эфир, на тёплые брызги и утреннюю дымку.

Всё образуется, все образуются. И жизнь опять победит смерть.

Потому что иначе не бывает.

А пока — вперёд, Герда, вперёд, моя девочка!..

Небо вытряхнет медленный снег — разлунит, как лист.

Время нас аккуратно разложит

по нотному стану

и склонится над каждым послушать:

«Звучит? Не звучит?»

И мы будем звучать в унисон неустанно

и выплывем вверх!..

И до самого неба достанем.

И когда я очнусь ото сна

в этом странном «нигде»,

совершенно одна в этом космосе

и запределье,

мне в глаза хлынут холод и свет,

словно в стылую воде

я качаюсь, как рыба в прозрачной постели,

и тверди мне нет.

Даже окна в дому запотели...

А потом наступит совсем новый год, никем ещё не населённый. И будет Сочельник... Я всегда вспоминаю, как это было в детстве. Наверное, ищу внутри отпечатки тех декораций: звуки, запахи, тот особенный свет — пространство, в котором ещё нет никаких жёстких границ и условностей, а мир ещё вариативен и гибок, как детское воображение. Эти воспоминания всегда связаны с моей бабушкой. И мне иногда снится домик, где

мы жили с ней, где прошли мои детство и отрочество, где моих детских горестей и радостей мне хватило потом на долгие киноленты памяти.

Бабушка ложится засветло и засыпает под телевизор. Не страшно спать, пока на улице не стемнело. Пока не стемнело, с тобой ничего не случится. Боженька бодрствует — не допустит.

Бабушка просыпается среди ночи и больше не ложится. Умереть во сне страшно.

А пока суетишься на кухне, месить тесто, протираешь пол или сидишь себе в очках, гречку перебираешь — что тебе станется? А нам бы лечь попозже да поспать подольше. У нас другое время, у нас смерти нет.

Бабушка заливает холодным чаем таблетку и минутку сидит тихонько, прислушиваясь.

— От чего таблетка, бабушка?

— А от всего, деточка.

— А как называется?

— Да кто ж его знает.

— Помогает, бабушка?

— Помогает, как не помочь!

Время бежит быстро, время расставляет метки и стирает ненужное.

Летом бабушка начинает готовиться к Рождеству, зимой уже думает о предстоящей Пасхе. Теперь в жизни только два чуда и есть — «Родился» и «Воскрес»!

Родился и воскрес, родился и воскрес... И нет места для смерти.

Поить внуков молоком с мёдом, сушить мокрые варежки, пришивать пуговицы на пальтишках.

Ещё ничего не знать, но уже обо всём догадываться.

Смотреть на медленный снег за окном... пока под языком тает таблетка.

Ёлка, Сочельник, метель метёт...

Снега на улице — горы!

Девочка смотрит в окно и ждёт.

Мама повесила шторы,

Мама намазала кремом коржи —

нет ничего вкуснее,

Мама решила иначе жить —

утро опять мудренее.

Девочка ждёт, кулачки зажав.

Мама молчит подолгу.

Папа приедет, он обещал...

Взрослые врать не могут.

Как на верхушке горит звезда,

как мандарины пахнут!

Платье у девочки — красота!

Папа увидит — ахнет!

Ёлка, сочельник, блестят огни,

медленно время тает.

Девочки в детстве совсем одни,

просто никто не знает...

Ночь за окном, не видать ни зги.

Слёзы к утру высыхают.

Спят в своих комнатах девочки —

маленькая и большая.

Каждый раз, пока время тщательно подбывает нас по тональности, как созвучные ноты, пока примеряет друг к другу в попытке идеальной рифмы, кто-то делает закладку внутри книги, кто-то запоминает последнюю фразу, кто-то останавливает часы...

Пространство расходится кругами, и колесо вращается вхолостую. Там, где мы, наконец, совпадаем, где находимся в фазе идеальных отношений, главное — не делать резких движений, не пытаться вырваться из настоящего момента. Ни впереди, ни позади нас дороги нет. Ни одно сердце не способно биться в прошлом или будущем. У него всегда есть только один удар. Сейчас.

Хочется остановить время, но оно и без того стоит на месте. Ждёт, когда мы сами пройдем сквозь него...

Глупые мы люди.

Я вижу облако и говорю себе: «Смотри, облако!»

Я вижу птицу и говорю себе: «Смотри, птица!»

Меня переполняют трепет и восторг, словно вижу всё в первый раз.

Меня переполняют печаль и нежность, словно вижу всё в последний...

Сердце во мне парит, как в невесомости. Внутри гулко, будто в чреве большого колокола. Однажды придёт звонарь, и каждый из нас вдруг зазвучит особым протяжным звоном. И тогда время сбивается с места. И поплывёт нам навстречу...

Когда я снова с конгуром сольюсь,
Когда мне будет нечего терять,
Я из картины выпадю опять
И тем спасусь...

Когда меня вкопают в этот свод,
Где лишь глазами трогать облака,
Я распадусь на буквы языка,
И плоть стечёт...

Анна ГОЛУБОВСКАЯ "Город Антонеску"

Вот уже несколько ночей я не могу оторваться от Книги, точнее, двухтомника, одной из самых страшных книг, что я держала когда-то в руках. Наверное, самой страшной.

Яков Верховский и Валентина Тырмос. "Город Антонеску" — книга об оккупации Одессы, об уничтожении евреев.

Авторы, чудом выжившие дети, всю жизнь собирали документы, работали в Яд-Вашеме и других архивах, искали свидетелей.

По дням.

По часам.

По именам.

Вроде бы я многое знала, читала...

Читать невыносимо. Не читать — невозможно.

Многого я не понимала, даже зная факты. Например, все знают, что на взрыв сигуранцы на Маразлиевской фашисты ответили тысячами и тысячами повешенных евреев на деревьях по всей Одессе, сожженных в пороховых складах и убитых в Дальнике. Но до взрыва в Одессе был взрыв Крещатика и Бабий Яр, и для Сталина, для верхушки была предсказуема и очевидна такая реакция фашистов.

Но на это было плевать.

Никакой эвакуации, никаких попыток обезопасить своих сограждан.

Для меня очень давно между сталинизмом и фашизмом стоит знак равенства, но, думаю, эта книга убедит любого.

А самое страшное — даже не описания нечеловеческих мук и пыток, страшнее всего — бесчеловечная статистика.

И сегодня нет точных чисел. Десятки тысяч сожженных, десятки — убитых в Дальнике и Богдановке.

Если до войны евреи составляли до половины городского населения, то в оккупацию, после первого колоссального уничтожения в гетто, из двухсот тысяч горожан в гетто, лагерях смерти еще оставалось около сорока тысяч евреев.

Кому-то удавалось вырваться, бежать. И тут — самое болезненное для меня.

Сдавали.

Сдавали!

В Одессе во время оккупации.

Фотография из собрания Интернет-проекта "Старая Одесса в фотографиях": old.odessa.ua

Михаил ТАЛАЛАЙ Антифашисты

В Италии прославилась — как тонкая писательница — Наталия Гинзбург. От мужа-одессита она получила фамилию «идиш», а вот имя, как ни странно, у нее «родом» итальянское, ибо Наталия родилась в Ливорно, училась в Турине, где и познакомилась с молодым гениальным филологом, сбжавшим от бедствий Гражданской войны на Родине (если точнее — то его мальчиком увезли из Одессы родители).

Центральный роман Наталии Гинзбург, «Семейные беседы» («Lessico familiare»; дословно: «Семейный лексикон»), вышел в переводе на русский язык в 1989 году. В настоящее время книга признана итальянской классикой: о ней пишут исследования и диссертации. По сути дела, это традиционная семейная хроника, но написанная уже в русле новейшей беллетристики. Когда появился роман Гинзбург, Италия вышла из послевоенного кризиса и с облегчением прощалась со своим муссолиниевским прошлым: о жизни антифашистов при фашистах и рассказывает преимущественно книга Гинзбург — в легкой и выразительной форме семейных историй. Один из главных героев, естественно, супруг писательницы, Лев Федорович Гинзбург (1909 — 1944): его образ по праву занимает многие и многие страницы.

Лев Гинзбург — дважды герой.

Попав в Италию (после нескольких берлинских лет), подвижный созидательной ностальгией, он берется за переводы отечественной классики — Пушкина, Толстого, Гоголя. Эти блестящие переводы не утратили своей свежести и значимости и теперь. Окончив университет в Турине и будучи принятым доцентом на филфаке, он успевает прочитать своим студентам лишь один-единственный курс. Вскоре от него потребуют присягнуть фашистскому режиму, что сделают все его коллеги...

Тут начинается вторая героическая стезя: Лев (которого теперь зовут Леоне) категорически отказывается от присяги Муссолини. Его изгоняют из университета. Начинаются преследования, аресты, ссылки, подпольная борьба, которая завершилась гибелью под пытками в застенках гестапо в Риме — весной 1944 года, накануне освобождения итальянской столицы войсками союзников.

Удивительно, но в московском издании

«Семейных бесед» 1989 года ни слова не сказано об антифашистской борьбе Гинзбурга... Можно только гадать: быть может, причиной было его неприятие большевизма? Или же его интерес (достаточно сдержанный) к земляку и тезке Троцкому — Гинзбург анонимно способствовал переводам мемуаров опального революционера.

Еще более удивительно, что в русском переводе итальянской книги, богатой разного рода редкими историческими реалиями, именами и проч., дана одна лишь разъяренная сноска. Читатель в примечании расказали, что такое «капучино» (итальянский кофейный напиток)!

Как бы то ни было, о Лье Гинзбурге на его родине стали вспоминать совсем недавно. Первым брешь в молчании пробил его сын, Карло Гинзбург. Став одним из самых видных историков современности, основав новое направление — микроисторию, получив целую серию переводов своих трактатов на русский (самый известный — «Сыр и черви»), Карло в своих интервью постоянно подчеркивал одесские корни свои отца, рассказывал о его значении для Италии.

...В конце августа 2017 г. в Монополи, уютном городке на Адриатическом море, прошел семинар литературоведческого плана, посвященный Льву и Наталии Гинзбургам. Семинар был организован в рамках летней школы филологического журнала «Энтиме-ма» (Милан).

Вне сомнения, главное внимание собравшихся было обращено на доклад маститого историка Карло Гинзбурга, изложившего глубокий анализ теоретических статей своего отца, посвященных русской литературе. Следует отметить, что наследие Льва Гинзбурга: эссе, эпистолярный и др. — бережно публикует одно из ведущих итальянских издательств, «Einaudi», в основании которого и становлении (уже полуподпольно) принял участие выходец из Одессы. Один из основных докладов принадлежал именно сотруднику «Einaudi» Доменико Скарпа, который в Италии по справедливости считается главным специалистом по текстам Гинзбургов.

Несмотря на краткую жизнь, Лев Федорович успел оставить глубокое литературоведческое наследие, одним из первых в Италии

А если не сдавали — молчали, отворачивались, не замечали.

И весь миф о нашем толерантном ко всем нациям городе для меня рассыпается...

В Прохоровском сквере — около пятидесяти березок Праведникам мира.

Хорошо, пусть мы знаем не всех, кто помог, скрывал, рискуя жизнью.

Пусть их было вдвое, втрое больше!

Это всего 150 человек, даже не один процент, 0,01 процента на город...

Словом... вот о чем я думаю сегодня.

ознакомившись с русской школой формализма (Шкловский и другие). Об этом рассказала профессор Стефания Сини из университета Восточного Пьемонта.

Волнующим оказалось для докладчиков представление Льва и Наталию Гинзбургов перед их сыном.

Отправным пунктом для реконструкции их жизненного и творческого пути для многих послужили воспоминания сестры Льва, Марии, которую все в Италии звали уменьшительным именем — Маруся. Именно как Marussia Ginzburg она и выпустила в свет книгу под названием «Из Одессы в Турин» («Da Odessa a Torino»). Марии Федоровне удалось пережить мрачную фашистскую эпоху, а после Второй мировой войны она стала известна в Турине как прекрасная преподавательница русского языка.

Знаменательно, что писательницей стала и внучка Льва и Наталии Гинзбург, дочь историка Карло, Лиза — ее первый роман, 2002 года, имеет своим титулом цитату из Ахматовой «Она грозы желала» («Desiderava la bufera»), а своим героем — римского преподавателя русской литературы, поклонника Чехова.

Автору этих строк досталась на семинаре интересная задача — представить семейную историю Гинзбургов, но не Льва и Наталии, а родителей Льва — Федора и Веры.

Федор Николаевич родился в Литве, много торговал с Германией, через Петербург, где и познакомился с Верой Семеновной Грилихес. Молодая пара переехала из российской столицы в Одессу, где у Федора бурно развивался бизнес: как пишет его дочь Маруся, он приобрел немецкий патент на производство пластиковых рыбачьих сетей и продавал их по всему северному Черноморью. Если Федор успешно занимался бизнесом, то Вера реализовала свой общественный темперамент: она особенно уделяла внимание дошкольному образованию, на посту зампреда общества дошкольного воспитания еврейских детей внедряла в Одессе передовую систему итальянского педагога Марио Монтессори. Надо сказать, что Гинзбурги хорошо знали и любили Италию, часто ездили туда отдыхать.

Разбогатеv, Федор Николаевич купил красивый дом на улице Жуковского, 36, сохранившийся донныне. Именно там и родился будущий герой Лев, он же Леоне.

Будем надеяться, что когда-нибудь на его стенах появится мемориальная доска следующего содержания: «В этом доме родился и провел первые годы литературовед Лев Гинзбург (1909 — 1944), герой итальянского Сопротивления».

Милан.

Линда СТОЯНОВА

Неизвестный Костанди

ВЫСТАВКА К 165-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В ГРЕЧЕСКОМ ФОНДЕ КУЛЬТУРЫ

Одесса — город на побережье Черного моря, с особым воздушным пространством, наполненным мельчайшими частичками искрящейся воды. Именно поэтому палитра одесских живописцев переливается чистейшими красками и наполнена солнечным светом. Наш город и его уютные окрестности — идеальное место для работы на открытом воздухе, где у истоков пленэрной живописи стояли Кириак Костанди и художники — члены ТЮРХ. Неслучайно живопись Одессы конца XIX — начала XX ст. прославлена именно пейзажным жанром, который не перестает доминировать и в наши дни.

Кириак Константинович Костанди (1852 — 1921 гг.) — один из известнейших художников-греков Одессы, лидер южнорусской живописной школы — родился в рыбацком селе Дофиновка, неподалеку от Одессы, 3 (15) октября 1852 года в семье греческого эмигранта К.К. Василькети, чье видоизмененное отчество (Констандини) и стало основой фамилии Костанди.

В 1870 году бесплатно занимался в рисовальной школе Одесского общества изящных искусств, основанной Г.Г. Маразли, а затем — в Императорской академии художеств (1874 — 1884 гг.). В 1885 году вернулся в Одессу. Был приглашен преподавателем в Одесскую рисовальную школу, где проработал до конца жизни. В 1886 году побывал в ряде стран Западной Европы, испытал глубокое воздействие французских импрессионистов. Был членом Товарищества передвижников (с 1897 г.), а также одним из учредителей Товарищества южнорусских художников (с 1890 г.). С 1902 года занимал пост председателя этого объединения. В 1907 году был избран действительным членом Императорской академии художеств. В 1910 году в Одессе широко отмечалось 25-летие художественной и педагогической деятельности мастера. В 1917 году по инициативе Одесского общества изящных искусств и Товарищества южнорусских художников был назначен директором Городского музея изящных искусств (ныне Одесский художественный музей).

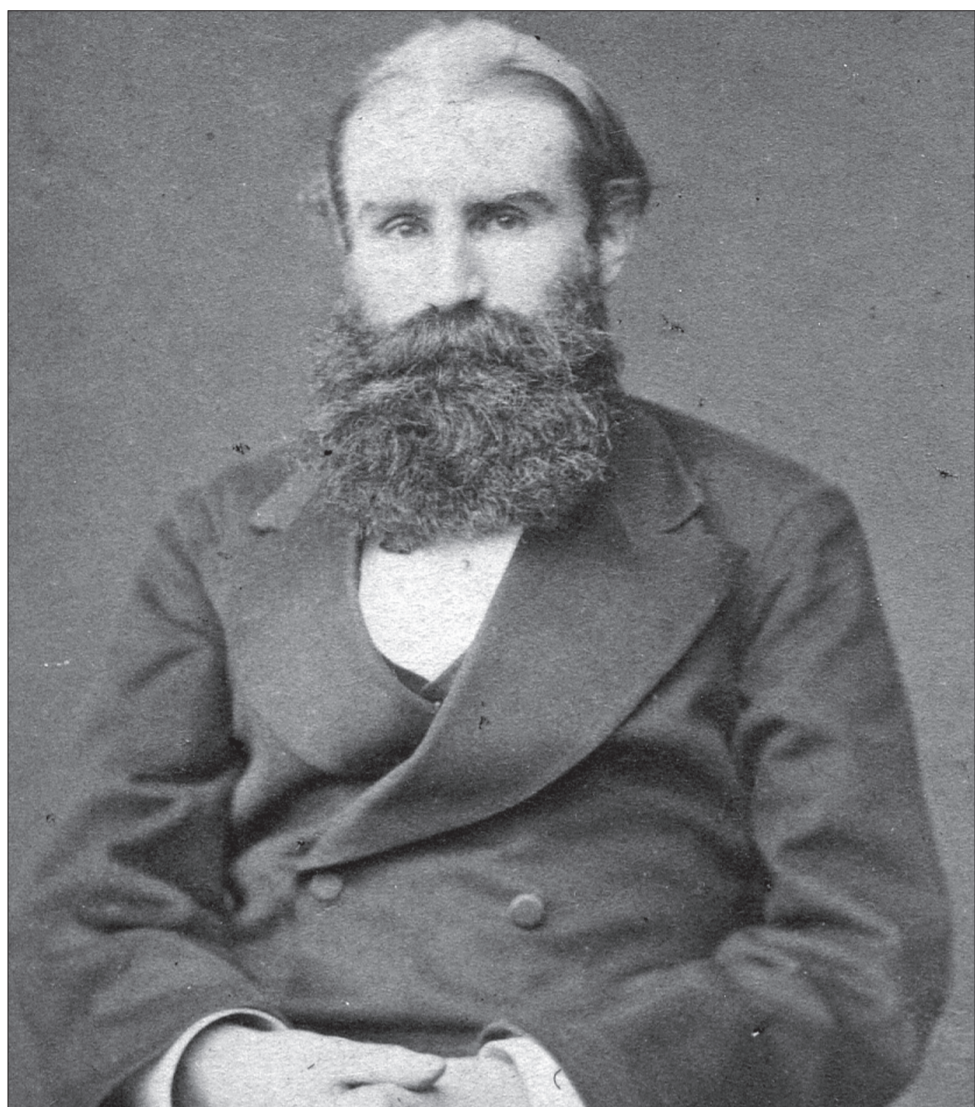
Нередко слышу категоричные высказывания ценителей живописи о том, что Костанди никогда не писал море из-за детских воспоминаний о трагедии, связанной с тем, что с морского лова не вернулось несколько рыбаков — близких друзей семьи отца. А.Н. Шистер в монографии о жизни К. Костанди (1975 г.) также пишет, что, родившись у моря, художник так и не написал в течение своей жизни ни одной картины. Тем не менее, сохранившиеся его этюды, такие как «Берег моря. Камни» (1897), «Вид моря в пасмурную погоду» (1909), «Вид на Одесскую гавань» (1920), а также работа «Берег» (1897), представленная на выставке, говорят об обратном. Бесспорно, море в них отведена не главная роль, оно выступает лишь обрамлением скалистых берегов в пейзаже. Но не объясняется ли это тем, что величие морской стихии было просто чуждо камерному искусству художника?

«К.К. Костанди проявил себя в искусстве как живописец-пейзажист, обладающий природным колористическим талантом. Но было бы неправильным обойти вниманием его графическое мастерство. Художник-колорист — эта особенность его таланта проявилась и в его графических работах, рисунках с натуры, рисунках-вариантах и его творческих замыслах, которые потом нашли свое отражение в живописных произведениях», — пишет в своих воспоминаниях сын художника — Михаил.

В экспозиции представлен рисунок к картине «Вечер. Скрипач» (1919). Это одна из последних больших по размерам тематических картин художника, написанная уже в послереволюционные годы. В самой работе глубоко прослеживается атмосфера ностальгии по тихим, безмятежным вечерам. Сохранились карандашные наброски: на одном из них музыкант изображен играющим на скрипке, на другом — на гитаре. Но в своем творческом поиске, для передачи тонкого поэтического настроения, художник заменяет гитару скрипкой.

Из воспоминаний сына, М.К. Костанди, известно, что для изображенного на картине пейзажа послужили этюды, которые были написаны с верхней веранды дачи. При внимательном рассмотрении пейзажа мною было обращено внимание на одну интересную деталь. На заднем плане четко просматривается церковь свв. Константина и Елены, которая была построена на участке земли, пожертвованном владелицей хутора на Большом Фонтане, княжной Елизаветой Владимировной Львовой. Для этой цели другая одесская домовладелица Елена Ивановна Мармарино выделила из своих средств 40000 рублей для возведения нового храма. Проект церкви был разработан одесским архитектором Львом Федоровичем Прокоповичем, автором нескольких храмов, украсивших Одессу. По свидетельству современников, церковь, построенная в византийском стиле, по своей архитектуре очень напоминала Свято-Ильинский храм Афонского подворья на Пушкинской улице. Идея строительства храма на Большом Фонтане, в этом отдаленном от Одессы дачном районе, не раз возникала у его жителей. На богослужения приходилось отправляться либо в Вознесенскую церковь на Среднем Фонтане, а то и в совсем далекий Свято-Успенский мужской монастырь. Одна из красивейших приходских церквей города могла вместить 500 молящихся, ее освящение состоялось 7 октября 1901 года. Просуществовав слишком короткий для церкви век — всего 30 лет, она была разрушена вместе со многими одесскими храмами, но навсегда осталась запечатленной на картине Кириака Костанди.

Не оставляет равнодушным и один из рисунков к первой серьезной работе художника, написанной еще в период обучения в академии. В 1884 году Костанди дебютировал картиной «У больного товарища» (1883) в качестве экспонента на XII передвижной выставке. Художнику тогда позировали его друзья по учебе: А.Ф. Афанасьев (сидит у посте-

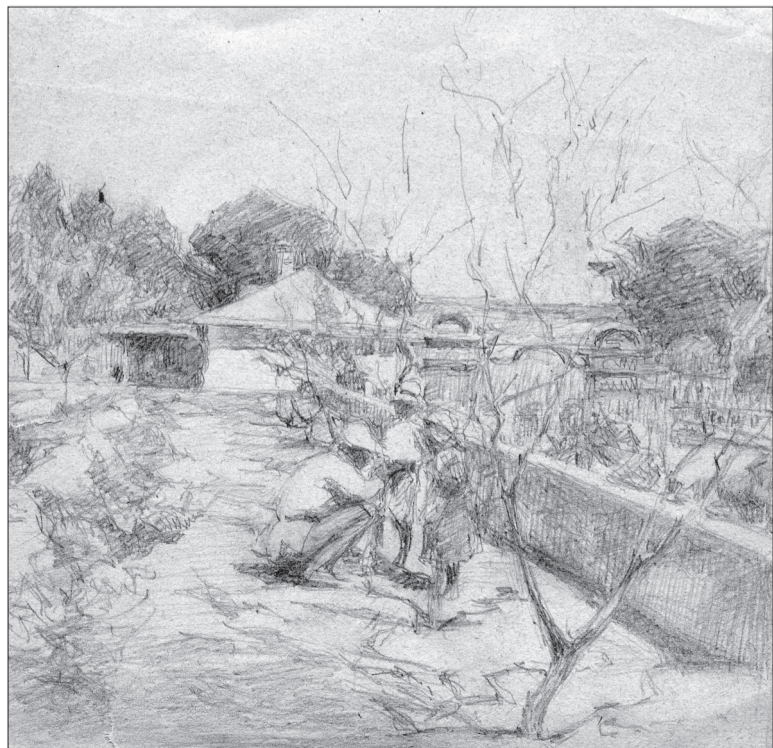
ли больного), Н.Н. Дубовской (стоит, рассматривая рисунки) и тогда уже больной К.Н. Кудрявцев, умерший вскоре после окончания академии художеств в 1885 году. Сохранившиеся карандашные наброски и эскизные зарисовки к картине говорят о том, что Костанди в своих творческих поисках шел по пути отказа от условной сценической площадки, искал логически оправданную постановку фигур, тщательно отбирал предметы интерьера.

Говоря о манере рисунка Костанди, Илья Репин, посещая кружок молодых художников — учеников академии, отмечал: «Костанди отличался тогда необыкновенно красивой и глубокой моделировкой, рисунки его были закончены до невероятных тонкостей перехода в полутонах».

Необычным открытием для меня при рассмотрении репродукции этой картины на сохранившейся открытке — почтовой карточке (копии с картин русских галерей) изд. акц. об-ва Гранберг в Стокгольме, стало написание фамилии Костанди через букву Н — К.К. Констанди.

Сын Кириака Константиновича, Михаил Костанди, так описывал творческий метод художника: «Отец любил и часто писал с натуры не только этюды, но и картины. Он много и подолгу работал над своими картинами, иногда писал одну и ту же картину в течение 2 — 3 лет. Но при этом он стремился сохранить свежесть и трепетность первого впечатления при созерцании и передаче природы, столь характерного при работе непосредственно с натуры. Работая над картиной, он делал эскизы, стараясь наиболее точно передать замысел своего произведения, изгоняя ненужные подробности. Сохранившиеся рисунки-эскизы, варианты к картинам представляют большой интерес — они объясняют процесс постепенного совершенствования композиционного решения, наиболее соответствующего замыслу тех или иных произведений. Характерно, что художник освобождается от многословия, стремясь к более лаконичной композиции».

Творческий метод К.К. Костанди от рисунка, наброска, эскиза через цветное решение к

картине можно рассмотреть на примере рисунков художника при создании его самой известной картины «Цветущая сирень» (1902). В акварельном рисунке, представленном на выставке, первоначальный вариант работы включал в себя две фигуры монахов. Одну — на переднем плане, вторую — вдалеке, входящую в ворота. Впоследствии фигура монаха, находящаяся на заднем плане, была преобразована в самостоятельную работу в технике пастели. Находится в собрании Национального художественного музея Украины. Одним из первых цветковых и композиционных решений можно считать эскиз, выполненный акварельными красками на маленьком листе плотной бумаги размером с визитную карточку — всего 5,5 на 9,9 см. Последующим вариантом является акварель большего размера, где цветовое решение уже гораздо ближе к самой картине «Сирень». Затем двухфигурное решение заменяется художником на однофигурное и преобразовывается в две отдельные картины.

Не менее интересен пейзажный этюд к картине «Свидание. Северный мотив» (1883 — 1884). Это один из самых ранних этюдов к работе, местонахождение которой неизвестно. «Свидание» экспонировалась на выставке передвижников в 1885 году и на I выставке Товарищества южнорусских художников в 1890 году. По воспоминаниям Михаила Костанди, картина была приобретена одесским коллекционером Анатра и везена им за границу. Однако художник Петр Нилус в своей статье о К.К. Костанди в газете «Одесские новости» за 7 (20) февраля 1910 года пишет, что работа «Свидание» находится в собрании И. Вульфа.

Составить общее представление об этой картине я могу лишь по сохранившемуся рисунку, на котором изображены молодой парень с девушкой на полянке на фоне пригорка, по этюду крестьянской девушки, выполненному масляными красками в 1883 году, и по пейзажу, который представлен на выставке и является задним планом произведения.

В 1903 году художником была написана работа «Монах в саду», которая фигурирует в списке основных произведений К.К. Костанди в монографии А.Н. Шистера (1975 г.), местонахождение картины также неизвестно, к ней сохранились лишь карандашный рисунок и фотография самого произведения, оформленного в раму.

Весной 1894 года Костанди вместе с художниками-членами ТЮРХ Петром Нилусом и Евгением Буковецким отправляется в творческую поездку в Париж, а оттуда — в Австрию и Германию. Блокнот № 13 представляет собой своеобразный дневник этого путешествия. В нем можно увидеть записи на французском языке с произношением на русском, фамилии художников эпохи Возрождения с датами жизни, зарисовки улочек, архитектурные пейзажи, горожан, отдыхающих в парке на скамейках, фигуры в кафе, на вокзале, в поезде, рисунки с картин известных художников в музеях и др.

Последние работы художника, которые можно увидеть на выставке — это вечерний этюд санатория на Французском бульваре (1921 г.) и один из карандашных набросков автопортрета, которые Костанди рисовал у себя в комнате по вечерам.

Наряду с картинами Кириака Костанди в экспозицию вошли работы его учеников, потомков и последователей: В. Цымпакова, В. Синицкого, А. Стилиануди, М. Костанди, Л. Костанди, А. Хршановского; а также личные вещи, документы и фотографии художника.

Александр БИРШТЕЙН Хащ, Хащик, Хащинька

В середине 60-х мы еще понятия не имели о бардах и авторской песне. Мы знали песни и стихи Булата Окуджавы, песни Высоцкого... Всех остальных нам заменял Юрка Хащеватский. Он знал огромное количество песен и пел, пел для нас.

Потом, много позднее, мы узнали, что тексты написали Бродский и Визбор, Городничий и Клячкин, Ким и Кукин, ну и Галич, конечно. О, у Юры был хороший вкус!

Да не будет дано
умереть мне вдали от тебя,
в голубиных горах,
кривоногому мальчику вторя.
Да не будет дано
и тебе, облака торопя,
в темноте увидеть
мои слезы и жалкое горе.

Дальше Юрка не знал, но ведь здорово же, как здорово! А «Стансы городу» я прочел много лет спустя... Как с родным человеком после долгой разлуки встретился...

Пел он и наши песни. Моих «Волчат», свою «Пиковую даму», и «На военно-грузинской дороге», и, конечно, замечательную песню Юры Макарова, Вали Крапивы и Юры Воловича «А помнишь, Вася...». Нет, сухо получается. Надо хоть чуток цитировать.

Из волчат не всегда получаются волки,
А из львят не всегда получаются львы.
Сколько Маленьких Принцев
пропадало без толку,
Сколько старых мерзавцев
оставалось в живых...

— это мое.

Ну с кем не бывает, и так каждый год.
Ведь не святые и даже не боги.
И впереди поворот, и позади поворот,
Как на Военно-Грузинской дороге...

— это Юркино.

А помнишь, Вася, какое было время,
А помнишь, Федя, революция была.
Сначала мы передавили всех евреев,
Потом «Авророй» грохнули царя.

Теперь-то видно, что боролись не зазря,
А за советскую власть!

— это двух Юр и Вали.

Подпевайте, а!

Собиралась наша немаленькая компания или у Юрки, или во Дворце студентов. Выпивали по чуть-чуть, разговаривали и, конечно, пели. Часто устраивали соревнования — пишущих стихи в компании было много: задавалась тема, писались тексты, а Юрка на лучший, с его точки зрения, подбирал музыку и исполнял уже готовую песню. Песни были, как сейчас говорят, рискованные. Как-то я даже из-за них нарвался на неприятности. Стал ловить двойки на сессии. Видно было, что преподаватели меня жалуют, в ведомость оценки не ставят. Просто, отводя глаза в сторону, отправляли «учить еще». «Непобедимая и легендарная» уже была близко-близко. Однажды ко мне подошел наш институтский «маленький органист» (маленький работник больших органов, по определению Хаща) и отвел в сторону. А потом, достав магнитофон, озвучил мне мои песни. Я стоял оглушенный.

— Ты все понял? — спросил органист.

— Все... — прошептал я.

— И больше не будешь?

— Не буду... — к своему позору сказал я.

— Ладно, иди — сдавай сессию!

Я пошел и сдал. А Юрка так легко не отделился. Он поставил на конкурсный вечер спектакль по книге Людвика Ашкенази «Черная шкатулка». Была зима 1968 года. Еще не прошла Пражская весна. Наши танки еще оставались в Праге. Ашкенази покинул Чехословакию, выступал на «Свободе»... Юрка и тогда еще показал нам пример порядочности и мужества.

Юру отчислили из института. Правда, через год восстановили...

А я долго-долго страдал и мучился, гадая, кто. Ведь на квартире Юры, когда придумывались эти песни, были все свои. Родные люди! Так откуда у «органиста» эти записи? И не год я думал над этим, и не два, а много-много больше лет было отравлено. А все оказалось просто.

— Так там же были микрофоны подслушки! — сказал один мой опытный знакомый, когда я рассказал ему эту историю.

Микрофоны... А вот к ним, настоящим микрофонам на эстраде, Юру старались не подпускать. Я помню, как отменили первый конкурс бардовской песни в санатории «Россия», когда увидели в списке тех, кто собирался выступить, Юру. Плюс он еще отказался предоставить тексты песен, которые он собирался исполнять. Если честно, никаких текстов, напечатанных на машинке,

у него и не было. Помнил все и так. А что не нравилось — исправлял.

Однажды я из-за Юркиного исправления нарвался. У меня песенка была про ящеров. О том, что с ними сделала эволюция. Слово «эволюция» Юре не показалось. Вот он исправил его на «революцию». Вот и получилась песня о том, что революция превратила больших и красивых ящеров в маленьких ящериц. Были неприятности...

Думаете, я сильно расстроился? Совсем нет. И не злился. На Юру невозможно было злиться. Он ведь очень добрый человек.

Талантлив был... Собственно, почему был? И есть! И сегодня у него юбилей. Но об этом — позже. А сейчас — о театральной студии, где Юрка верховодил. Помню, незадолго до того в город приехал ленинградский Ленком со спектаклем «Зрима песня». Ну, и нам захотелось попробовать. Юра придумал и поставил «Робинзона» по Феликсу Кривину и «Гренаду» Светлова. Робинзон был страшен, очень неожиданен и... очень достоверен. Представляете железного человека — Робинзона с винтовкой. И Пятницу, повторяющего все, что делает Робинзон.

Человек простой и неученый,

Всей душой хозяина любя,

Пятница поверил в Робинзона,

Робинзон уверовал в себя.

А Робинзон заряжает винтовку. И Пятница за ним. Неуверенно сперва, а потом все уверенней.

Он уверовал в свое начало

И в свои особые права.

И — впервые слово прозвучало.

Робинзон произносил слова.

Робинзон показывает, как нужно целиться.

И Пятница овладевает и этим. Что дальше?

Ну, вы уже поняли. Робинзон командует. А Пятница — свободный человек — стреляет!

Первое пока еще несмело,

Но смелый и тверже всякий раз,

Потому что, став превыше дела,

Слово превращается в приказ.

И оно становится законом,

Преступлять который — смертный грех.

Ибо должен верить Робинзону

Пятница — свободный человек.

Как вам? Ничего не напоминает? Скольких Пятниц научили стрелять друг в друга Робинзоны, стоящие на броневишках?

А «Гренада»... Это был рассказ о спекулянте-фарцовщике, промышлявшем импортными вещами. Неожиданно? А у Юрки все неожиданно. Он и мыслит какими-то непонятными сначала образами и категориями. Стоишь, пожимаешь плечами, а потом, когда доходит, поражаешься: ну как, как я до этого не додумался? А Юра — не «додумывается», он так думает.

И еще. Я ему обязан написанием одного из лучших своих рассказов-притч. Однажды в разговоре Юра сказал:

— Хочу написать повесть «Шлёма и генералиссимус».

Больше ничего и не сказал. Только заглавие. Шлёма — это Михоэлс, а генералиссимус — и так понятно.

Чем-то меня это название зацепило. День мучился, два. А потом начал писать. Половину текста написал, а потом спохватился. Нехорошо! Звоню в Минск, каюсь. А Юра смеется:

— Пиши на здоровье!

Написал... До сих пор люблю этот рассказ нежно.

Он хотел стать режиссером и стал им. Спектакль, художественный фильм, успех. Но Юра решил: не то! — и занялся кино документальным. И опять успех, да еще какой. Я перечислю только награды за фильм «Обыкновенный президент».

Премия имени Сахарова российского Союза писателей «Апрель» (Москва, 1997).

«Кинопремия мира» Берлинского международного кинофестиваля (форум) в 1997 г. Гран-при Human Rights Watch (Нью-Йорк, 1998).

«Golden Gate Award» (Сан-Франциско, 1998).

А вообще я насчитал более дюжины престижных наград за документальное кино.

Юра Хащеватский сейчас живет в Минске. Снимает, ведет программы, короче, занят. В Одессе давно не был...

И, повторюсь, сегодня у него юбилей!

Будь счастлив и здоров, Хащ, удачи тебе и радости, успехов и времени.

Евгений ПЕРЕМЫШЛЕВ

Один эпизод из истории застенчивой влюблённости и неподдельной страсти

Давным и давно известно, что подпольный миллионер Александр Иванович Корейко любил внучку старого ребусника Зосю Синицкую, любил робко и безответно. Но это была влюблённость — чувство, которое греет и лишь изредка обжигает. Душа Александра Ивановича между тем раз и навсегда опалена была подлинной страстью, безумной и ненасытной. Он боготворил деньги.

И если влюблённость Александра Ивановича так и не нашла должного отклика, то страсть к деньгам — кто бы подумал — не осталась без ответа. Воздалось ли подпольному миллионеру за его (столь редкое в наш лицемерный век) искреннее чувство десятилетиями либо сторицей, не знает никто. Чемоданчик, где хранил Корейко свои миллионы, при свидетелях не раскрылся ни разу. И даже такой внимательный наблюдатель, каким являлся Остап Бендер, не смог бы оценить, сколько миллионов хранилось в этом невзрачном с виду, но поистине удивительном чемоданчике.

Что ж, печально вздохнём и разведём руками: нет — так нет. Да и что нам до чьих-то приятней и антипатий? Обратимся к вещам более понятным. Или, по крайней мере, подвластным анализу и оценке. Посмотрим, на фоне каких декораций разворачивался упомянутый любовный эпизод.

Вот Александр Иванович, столовавшийся у Синицких, после обеда с чудесным борщом, неудачного признания в любви и полученного отказа выходит с Зосей на улицу. Впору зажмурить глаза, настолько южный город полон соблазнов: «В раскрытых настежь буфетах искусственных минеральных вод толпились молодые люди без шляп, в белых рубашках с закатанными выше локтя рукавами. Синие сифоны с металлическими кранами стояли на полках. Длинные стеклянные цилиндры с сиропами на вертящейся подставке мерцали аптекарским светом. Персы с печальными лицами калили на жаровнях орехи, и угарный дым манил гуляющих».

Сколько можно бы рассказать и про буфеты искусственных минеральных вод, и про цилиндры, наполненные сиропами, что установлены на круглых подставках. Хотя бы про источник имми «аптекарский свет». Именно так, не более — свет, именно так — мерцающий. Потому что ничего и не осталось, кроме памяти о прошлом. Когда-то за стеклом аптеки непременно были выставлены стеклянные шары с подкрашенной водой, перенимавшие от неё цвета. Красный, синий, жёлтый. Эти шары в витрине, собственно, были опознавательным знаком, эмблемой, вроде кренделя или булки над входом в булочную, вроде часов над дверью часового магазина. Довольно взглянуть на витрину, чтобы понять — это аптека. И ни в коем разе не аптечный магазин. Вечерами и ночью шары подсвечивали. Таинственный, не очень яркий их свет, почти мерцающие запомнились многим. И сохранился в памяти, для которой имеется только прошлое, а настоящее существует в том объёме, что отражает фрагменты минувшего. Есть также сиюминутное, от памяти свободное,

почти мгновенное: было ли, не было, мелькнуло, забылось. Память непреходяща.

Сиюминутным живёт Зося Синицкая. Ей хочется в кино, хочется орехов, пропахших окалиной жаровни, и сельтерской воды с сиропом. Ей нечего вспоминать, в отличие от Корейко, она не помнит времени фигурных вывесок на фасадах домов, разноцветных стеклянных шаров в аптечных витринах. Не знает она, почему кинотеатр, куда зовёт её молодой человек в замечательных сандалиях, имеющий две контрамарки, носит такое название. Не знает, потому что не помнит. Когда название появилось, она была ещё настолько мала, что не обращала внимания на вывески и витрины, поскольку не умела читать и не ходила в одиночку по улицам, тем более — не бывала в кинотеатре. Возможно, знает это Александр Иванович, но он так расстроен, между влюблённостью и страстью отдав предпочтение страсти и не рискуя достать из кармана железную коробку от папирос «Кавказ», где лежали десять тысяч рублей двадцатипятирублёвками, что ему не до воспоминаний. И читатель романа, по возрасту ближе к Зосе Синицкой, чем к Корейко, не узнали, почему кинотеатр называется «Камо грядеши», быв. «Квоадис», посчитав, будто соавторы высмеяли смехотворную тягу к переименованиям и непреходящую русификацию, набиравшую силу в тридцатых годах, и только.

Надо заметить, явления это между собой напрямую не связанные, отчасти разные. Переименования, конечно, для недавней истории весьма характерны. Названный по фамилии московского губернатора Большой Чернышёвский переулок (между ним и Хлыновским туликом располагался дом, где находилась типография «Гудка» и общежитие для работников газеты) на глазах Ильфа и Петрова стал улицей Станкевича — бог мой, какие нехитрослеления демонстрирует история — даже не в память известного общественного деятеля, а по родству, в память его брата. Так поступали и будут впредь поступать все победители. Они снимают шлем или каску и при этом теряют голову, начинают сражаться не с идеями, со словами. Одни победители переименовывают Большую Алексеевскую улицу в Большую Коммунистическую, другие Большую Коммунистическую перекрещивают в улицу Солженицына. В выигрыше остаются изготовители уличных табличек — любая перемена для них благо, и внакладе — составители ежегодных справочников, этих изменений отнюдь не радуют. Почему не обойтись доступным? Называлась же эта самая Коммунистическая улица улицей Коммунаров. Измените единственную букву (её в любую табличку можно вписать от руки), и опаснейшее словосочетание обернётся европейской политкорректным. Улица Коммуналов, может быть, и парижских. Ненавистный эпитет «красный» будет преобразён, если к слову добавить краткую приставку. И возникнут Инфракрасная Пресня, комплимент «инфракрасная девушка», время года «лето инфракрасное». Современное, дешёвое, неангажированное.

Русификация тоже выдумка не советской эпохи. Как потешались над адмиралом Шишковым за его склонность к словесной архаике, приписывали ему разные «игралыща» и «позорища», должные якобы заменить слова «актёр» и «театр». Но он такого вздора и в помыслах не имел. Адмирал Шишков писал о том, что надо бы не слепо и глухо перенимать у чужих языков, на коих мыслят и пишут просвещённые народы, внешние оболочки слов, им легко подыскать выразительные аналоги в родном языке, а смыслы.

Вернёмся, однако, к названию иллюзиона. Комментаторы считают, что название это выдуманно, пусть и не в пустом месте, фильм по книге Генриха Сенкевича был, как говорили когда-то, настоящим «боевиком», то есть бил все кассовые сборы, как сказали бы потом. В общем-то, верно, но слишком общо.

Роман «Quo vadis», вышедший на русском языке и под названием «Камо грядеши», и под названием «Куда идёшь», и под оригинальным названием без перевода, был опубликован книгой в 1896 году и тут же снискал огромную популярность. Динамичный сюжет, обязательные или притягивающие в неприглядности своей персонажи, яркие чистые тона. Думаю, основное свойство романа — и достоинство, и недостаток его — в том, что это очень шляхетская книга, появившаяся несвоевременно: было пока не видно, насколько она точна. Первая мировая война была впереди, а до промежутка между мировыми войнами, пакта Молотова — Риббентропа, годы и годы. Петроний, драматург, философ-стоик, каким он нарисован в романе, это не римлянин эпохи Нерона, это поляк времён раздела Польши, круглые дни просиживающий в кафе за кружкой пива, за чашечкой кофе, грустный остроумец, интеллект, бессильный что-либо изменить, обречённый наблюдать, как мчится к концу этот мир, и вместе с миром он сам, Юлиан Тувим, Станислав Игнацы Виткевич.

Роман, впрочем, написан мастерски и мог привлечь самую широкую читательскую аудиторию. Иные достоинства нашёл Ватикан: книга рассказывала о рождении христианства, красиво и потому убедительно. Слепящий песок цирковой арены, алая кровь на нём, белые одежды патрициев, загорелые тела рабов, и Нерон, на фоне горящего Рима поющий торжественную песнь. Роман оказался так сообразно выстроен и ёмок, что его структура выдержала бы и кое-какие поздние интерполяции. Романист написал книгу об абсолютной власти, которая по своей природе враждебна жизни отдельного человека. И не мудрено, что вместо Льва Толстого, впрок отказавшегося от награды и о том заявившего, Нобелевскую премию по литературе получил Генрик Сенкевич. Формально рассуждая, он первый из российских писателей стал нобелевским лауреатом, поскольку являлся подданным империи. Не мудрено, что по лучшему его роману через несколько лет сняли фильм. Сняли бы раньше, да кинематограф был не готов к масштабным и многофигурным постановкам.

Режиссер Энрико Гуацони поставил фильм по книге «Quo vadis» в 1912 году на итальянской студии «Чинес». А весной 1913 года фильм был показан в крупнейших странах Европы. Премьеры состоялись поочередно в Венгрии, Польше, Швеции, САСШ (тогда рассматривавшихся как страна европейская), Германии, Франции, Нидерландах, Испании. В Великобритании фильм демонстрировали в «Альберт-холле», на сеансе присутствовали по двадцать тысяч зрителей сразу, королевская чета удостоила личной похвалы одного из актёров. Небезынтересно, что в Берлине фирма «Чинес», имевшая кинотеатры в разных европейских городах, специально для этого открыла пятый по счёту кинотеатр.

Сейчас таких сведений нет под рукой, но пусть кинотеатр был назван по названию фирмы, в обиходе он должен бы именоваться «Quo vadis». Как иначе, ежели кинотеатр открыт именно для премьерного показа?

Интерес к фильму не стихал до самого конца первой мировой войны. А когда война закончилась, фильм «Кабирия», снятый двумя годами позднее, и фильм «Камо грядеши» стараниями Ватикана опять выпускают в прокат. В Финляндии эта повторная, а для финнов — единственная, премьера состоялась в конце января 1922 года.

Сей факт помогает истолковать стихотворение Игоря Северянина, построенное на эстонских реалиях (расстояние от Финляндии до Эстонии — сущие пустяки).

Ежевечерно из «Quo vadis»
Играл чахоточный цитрист.

Речь тут не о музыке. Вернее, не о конкретной мелодии или теме. Фильм был немой и демонстрировался в разных кинотеатрах с различным музыкальным сопровождением. Для премьеры в парижском «Гомон-паласе» композитор Жан Ногэ сочинил особую музыку и хорал, который исполняли 150 певцов. В эстонской Тойле, должно быть, имелся тапёр, а перед очередным сеансом или после него в фойе играли здешние музыканты, развлекающая публику. Вот только название кинотеатра говорит о многом.

Наверняка в России, где и до премьеры знаменитого фильма модно было давать кинотеатрам названия античные, «Форум» или «Колизей», происходило нечто подобное. Премьера забылась, а именование кинотеатра, где премьера эта прошла, осталось в памяти. Именование, данное по названию фильма, неофициальное.

И жаль, что Александр Иванович Корейко не попал в кино и вместе с ним в фойе не оказались и читатели. Там бы наверняка отыскалось что-нибудь, весьма достойное любопытства. Что ж, печально вздохнём и разведём руками: нет — так нет. Да и на какой такой фильм мог он пригласить Зосю Синицкую летом 1930 года? «Земля»? «Праздник святого Йоргена»?

Ирина ВИКТОРОВА

Всего 24 секунды

В Саратове, в Правобережье, к 60-летию подвига одессита Павла Шклярука открылся памятник ему и всем летчикам, погибшим в мирное время.

Меня поразило число. 24 секунды. Весь полет над Увеком продолжался 24 секунды... Напомню, что Шклярук — курсант Армавирского авиационного училища летчиков — 6 июня 1966 года выполнял учебный полет над поселком Увек в Саратове. На высоте трехсот метров у самолета отказал двигатель. Очевидцы наблюдали, как он то зависал на месте, то снижался и у железнодорожного моста начал стремительно терять высоту. Лётчик мог катапультироваться, но высота уже слишком мала, а внизу — баки нефтебазы, мост с пассажирскими и товарными составами, пляж с отдыхающими. У него не оставалось времени на колебания и сомнения, ни секунды... Он просто отжал штурвал от себя, и самолет упал в Волгу... Курсанту было только 20 лет.

В Новошахтинске живет однокурсник Павла по училищу Владимир Бараев. Он вспоминает: «В тот день отделение Паши проводило полеты во вторую смену, а наше — в первую. Вечером я

должен был встретиться с Пашей на волейбольной площадке. Мы всегда играли после полетов. Но на этот раз встреча не состоялась... Обычно ребята из приморских городов хотят быть моряками, а Пашу покорила пятая океан. В Одессе он занимался в авиационно-спортивном клубе. Ему нравились прыжки с парашютом и полеты на планере... Сохранилась документальная запись переговоров пилота с землей. Не могу без волнения слышать, как он внешне спокойно говорит о принятии единственно правильного решения: «Сажусь на Волгу...».

Каждый год 6 июня опускают саратовцы в Волгу цветы у места гибели летчика. А в 2014 году усилиями ветеранов Заводского района и летчиков-соучеников Павла город отдал дань памяти мужественному одесситу. В Увек, на крутом волжском берегу, установили мемориальный камень курсанту Шкляруку. Тогда же его товарищи, сами уже седоусые ветераны, поклонились: поставим к круглой дате — полвека — памятник Паше и всем погибшим товарищам!

Два года продолжался сбор средств. Это не государственный проект. Деньги сдавали летчики, ветераны, жители города. Помогли общественные организации. Собирали всем миром. И памятник с силуэтом самолета рядом с Па-

шиным мемориальным камнем открылся! Поставив Паши Шкляруку и погибшим в мирное время летчикам. У них тоже не было времени на колебания:

Как будто бежишь по песку ты,
А двигатель правда стоит.
Секунды, секунды, секунды,
Последние шансы твои.
(Юрий Визбор, песня посвящена Шкляруку.)

На дорожке, ведущей к Волге, теперь есть и аллея Памяти погибших. «Спасибо вам за памятник, за то, что нам теперь есть куда прийти возложить цветы и склонить голову, вспоминая погибших товарищей», — сказал на открытии Михаил Андреев, летчик, назвавший своего сына Павлом. Тот пошел по стопам отца и тоже окончил летное училище... Саратов помнит. Спасибо, Одесса!

Валерий БОДЫЛЕВ

Глазами суфия

В истории европейской живописи есть один безымянный художник, которого атрибутируют как «мастера зимних пейзажей». В нашем случае Евгения Рахманина можно смело назвать «мастером горных пейзажей». Это — кроме всего прочего. Но я, как альпинист, хотел бы остановиться именно на горных ландшафтах Евгения. Надо сказать, что в общем плане живопись Е. Рахманина пребывает в смысловом поле экспрессионизма. А в этих пределах художник творит свой мир из хаоса неприрученных сил. Может быть, поэтому Е. Рахманин и обратился к описанию гор, порождённых из этого хаоса в качестве переходного этапа к упорядоченному космосу творца.

Однако перейдём к самим картинам мастера.

«Чёрные горы» (1993 г.). Здесь изображён горный хребет. Верх освещён заходящим солнцем, а сама долина — в неподвижной густой тени, что создаёт драматический контраст пойманного краткого мгновения.

Картина «Гора» (1999 г.) — надмирная пирамида с белой отметиной снежного склона, как бы точь-в-точь повторяющего узнаваемые силуэты реальных гор. Можно сказать, Е. Рахманин выхватил «чистую сущность», составляющую платоновскую идею всякой горы, высмотрел её посредством интуиции. Но такого рода интуиция становится наиболее совершенным инструментарием познания мира. Поэтому, переходя от одной картины к другой, словно путешествуешь по одновременно знакомым и чужим ландшафтам.

Несколько слов о живописной манере автора. Пейзажи Е. Рахманина значительны, прежде всего, своими пространственными планами. Художник и даёт закономерную последовательность пространства, и привносит в него новую напряжённую динамичность. С какой-то особенной настойчивостью Е. Рахманин заставляет зрителя активно проследить те направления, по которым разворачивается пейзаж в своих деталях и составных частях. Не меньшее воздействие на нас, чем живая геометрия зелёных пространств, оказывает и цвет. К примеру, картина «Горы на синем фоне». Здесь всё разнообразие горных форм показано как бы мозаично, многоцветно. Мазок становится дробным, в чём-то схожим с горсткой самоцветов, разбросанных в беспорядке. На первый взгляд, картина импрессионистична, но на самом деле художник воздерживается от колеблющейся, пронизанной светом красочной пелены. Его краски чисты и самодостаточны. Несмотря на тяжесть горных пород, живописец отказывается от неоправданной густоты красок. Уверенно, легко, каждый раз совершенно по-иному, в зависимости от форм каждого объекта, будь то треугольник горы или зубчатая линия горного кряжа, он кладёт краску то компактным мазком, то стремительным штрихом, усиливая задуманный эффект динамичности.

Несколько особняком, но в паре стоят работы «Армения. Церковь» и «Дом Гены», характеризующие, скорее всего, короткий период творчества мастера. По манере изображения они сходны с работами Р. Фалька «Старая Русса» (1913 г.) и «Поле капусты» (1910 г.). По-видимому, оба художника в разное время шли достаточно близкими путями. В этих работах Е. Рахманина большую роль играет ритм мазков. Он очень разнообразен: мазки то ложатся отвесно, и этим ритмом охватываются все объекты первого плана, то накладываются продольно (на втором и третьем планах). Иногда какая-то группа предметов трактуется Е. Рахманиным короткими широкими мазками. Это разнообразие фактуры придаёт ландшафту полётность — будто сам стоишь на высотах Малого Кавказа («Армения. Церковь»).

В работе «Дом Гены» (Гена — художник Подвойский) Е. Рахманин стремится к равновесию, помещая главный объект — дом — в центр холста и делая его мерой всех пространственных и ритмических отношений. Эту картину можно с известной долей допущения отнести к артистическому примитивизму. Но, оставляя характерную для стиля плоскость изображения, художник избегает ярких цветовых пятен и старается довольно сдержанно разработать гамму серых, зелёно-серых с некоторыми вкраплениями размытого розового тонов.

В этих двух работах, так сказать, «фальковско-го» периода Рахманин извлекает предельную выразительность из линейной ритмики, создавая с её помощью общий композиционный рисунок.

Так как все горы, изображённые Е. Рахманиным, находятся на Востоке с его вечной

загадочностью, картину «Хорезм» можно отнести к той же духовной парадигме. Короткие тени, вернее, отсутствие теней. Раскалённая до коричневых тонов земля, а точнее, среднеазиатская битая историей глина. Всё передано так реально, что кажется, будто ты сам находишься в этом пекле хорезмского полдня. Здесь художник обращается к чистым формам пластики (вертикаль минарета, срезанные кубы строений) и первичным краскам. На картине два цвета — кобальт неба и рыжина почвы — как бы стянули к себе все мелкие колебания, очистились от примесей и вступили между собой в замерший конфликт «приятия — вражды». Е. Рахманин избегает колебаний цвета: он покрывает протяжённые участки пространства краской одинаковых плотности и интенсивности. Простота цветовых отношений, отвага контраста, предельность цветовой концентрации — всё это становится точным измерением природных свойств, а не их пусть творческой, но всё-таки интерпретацией. Композиция «Хорезма» построена по принципу кинематографического кадра: срезы боковых зданий, случайные прохожие. Всё это способствует вхождению зрителя в изображаемое пространство. Явная асимметрия картины придаёт запечатлённому знак достоверности остановленного фаустовского мгновения.

Картина полностью противоречит общепринятому изображению многокрасочного Востока в импрессионистической манере. Его зной и сухой жар расплавляют дрожжащую красочную пелену, оставляя только чистые, без примесей цвета, как это и представлено в «Хорезме» Рахманина.

Пока я писал свои заметки (состояние обдумывания длилось около месяца), я вдруг вспомнил, что в одной из бесед с художником уже в давние времена он называл себя «суфием в искусстве». Здесь не место раскрывать особенности этого гностического философского учения, но, думаю, будет вполне оправданно привести в комментарий опосредованный дух суфизма.

Картина «Гунн». Круп лошади под воинственным всадником. Невольно возникает ассоциация с известной работой Паоло Учелло «Битва при Сан Романо». Существуют три различных варианта картины. Я имею в виду произведение из галереи Уффици во Флоренции. Кстати, сам Рахманин согласился с подмеченной деталью.

«Гунн» — вовсе не историческая по жанру картина. Как утверждал Умберто Эко, мы попали в эпоху «нового средневековья». Интересное совпадение: год публикации статьи в «Иностранке» и создания картины — 1993-й! Не будем останавливаться на всех аспектах выдающегося эссе. Набрав в поисковике «У. Эко. 14 признаков», легко найти квинтэссенцию статьи.

Но вернёмся к нашим «лошадям». Что это — «вечное возвращение»? Возврат первичной, никак не изменившейся жестокости, воплощённой в квадратной фигуре застывшего гунна? Художник изображает всадника со спины, на самом деле подразумевая, что им может оказаться кто угодно. И вряд ли за 600 лет после условного окончания средневековья обличье ландскнехта-наёмника в какой-то степени изменилось. Картина выражает непреходящую метафизику бытия, а неподвижность фигуры, какое-то своего рода исследовательски-равнодушное освещение, вычищенность пространства от узнаваемых, слишком реальных предметов отсылает к работам Дж. Кирико, «замкнутым монадам», «вещам в себе».

В нашем случае картина «Гунн» настолько метафизична, что не хочется высказываться непосредственно о живописной манере художника. Но вот суфийский неоднозначный взгляд будет уместен. Куда повернёт этот гунн? Уйдёт ли он из жизни с её непредсказуемой жестокостью? Попадёт ли он в европейскую культуру подобно персонажам «Песни о нибелунгах» — тем гуннам Атилы, который по фабуле известного средневекового произведения стал куртуазным королём и отомстил предателям за гибель Зигфрида? Это вопрос. Здесь хочется и закончить. На неоднозначности работ Е. Рахманина, многообразии его стилей, показывающих разные периоды творчества известного одесского мастера. И в завершение приведу одну из суфийских историй.

Это случилось с великим завоевателем Бабуром. Великими, впрочем, можно считать только двух исторических персонажей:

Александра Македонского и Бабура. Оба относились к своей миссии, в первую очередь, как к творческому созиданию, а не как к бессмысленному разрушению, чем отличались все без исключения остальные покорители. Если об Александре-Искандере известно всё, то о Бабуре скажу, что он создал империю Великих Моголов в Индии, чего не удалось греческому царю, и написал книгу стихов «Бабур-наме». Будучи терпимым правителем, он мудро властвовал в беспокойном Кабуле. Вначале, пытаясь обустроиться в пределах Бактрии (совр. Афганистан), завёванной Александром, Бабура заказывал живописные работы разным мастерам. Больше всего ему нравился восточный сад с прудом на фоне далёких шатров поднебесных гор. Но один из предоставленных пейзажей ему не пришёлся по душе.

Однажды в Кабул забрёл суфийский мастер. Он взялся за поручение падишаха. Дни проходили за днями, а любопытствующий Бабура замечал, что мастер, отложив кисти, безучастно сидит на краю водоёма. Вот

миновали оговоренные три месяца, и Бабура в окружении свиты явился к месту пленэра. Суфийский мастер, к возмущению придворных, даже не поднялся с места. Знаком он подозвал Бабура. Сгорая от нетерпения, поскольку никакого холста не было и в помине, правитель подошёл к мастеру.

— Вели своим бекам (баронам) что есть силы колотить по воде пруда.

Бабура очень изумился, но, памятуя о непредсказуемости суфизма, жестом показал повиноваться. Воины подняли настоящую бурю.

— Теперь взгляни, повелитель, на взбаламученную воду. Что ты видишь?

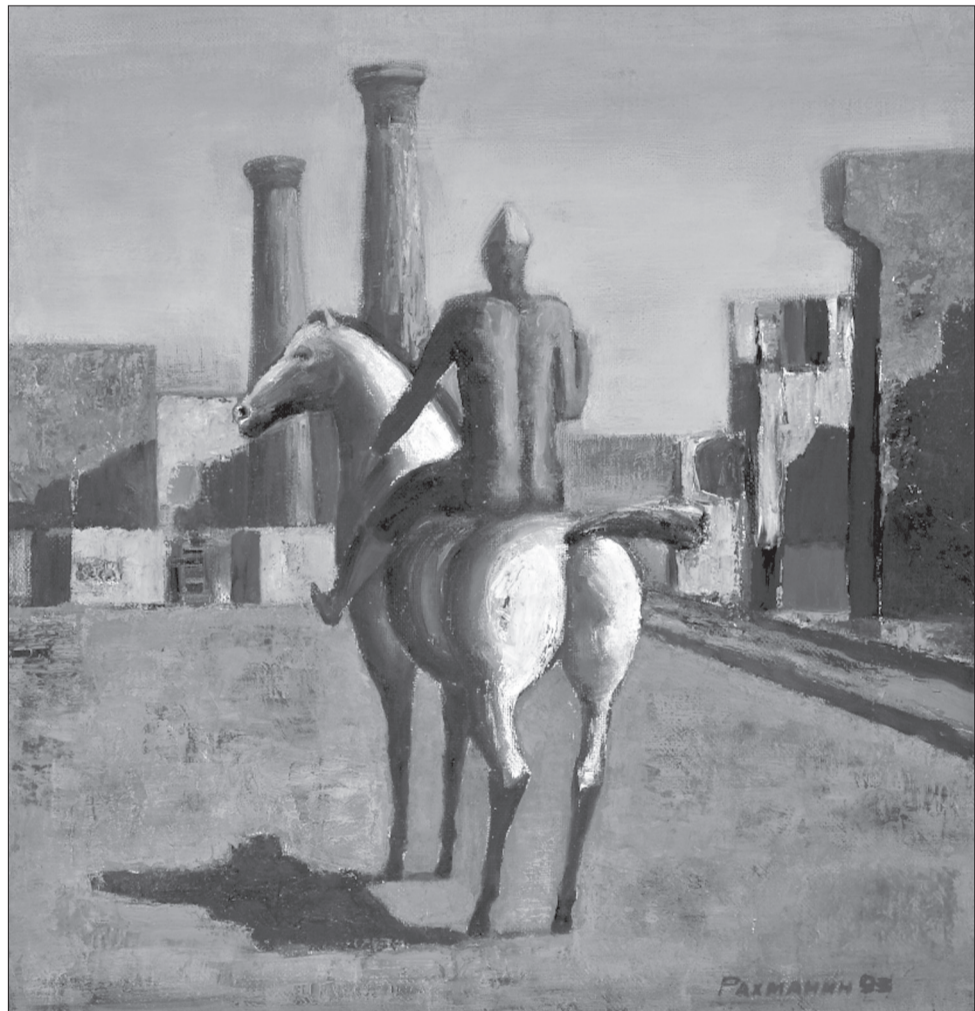
Разгневанный Бабура холодно заметил, что ничего не различает, но предполагает изрядный нагоняй страннику:

— Благодарю Аллаха, что ты суфий, я тебя не трону.

— Ты разгневан, твой ум взволнован, как эта вода, и не в состоянии воспринимать истину. Подожди совсем немного, — примирительно возразил странник.

Бабура, тогда не зная, что он станет терпимым правителем многоликой Индии, успокоился и стал смотреть в сторону, куда был направлен взгляд мастера. Когда вода успокоилась, в её зеркале отчётливо проступил тот заказанный пейзаж с садом и горами, который не удалось изобразить ни одному живописцу. Тогда Бабура улыбнулся и встретился взглядом со смеющимися глазами великого суфийского мастера.

И что-то мне подсказывает...

Игорь ПАНОЧИШЕН

Случаи из жизни

Паночишен Игорь Васильевич, родился 18 февраля 1961 года в старинном (основан в 1421 году) молдавском городе Бельцы. В самом начале 1970-х вместе с родителями переезжаю в Одессу. Продолжаю учиться в школе. Потом прохожу срочную службу в армии. После армии в 80-е годы хожу по морям и океанам нашей прекрасной планеты. В 90-е учусь в Одесском государственном университете им. И.И. Мечникова. И после его окончания более 15 лет являюсь государственным служащим.

Свой первый рассказ написал в 12 лет. Первые публикации относятся к 2011 году. Первый опубликованный рассказ вышел в 2017 году в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская».

Лида

«Начало августа 1943 года. Белгород. Город постоянно переходит из рук в руки... Ежедневная стрельба... Бомбёжка... Ужас! Ужас!.. Страшно! Страшно!.. — начинает вспоминать Лида. — В 1941-м мне было шестнадцать. В мае перед войной умерла мама. Отец — железнодорожник, научивший меня «Отче наш», коммунист... Его хотели сдать немцам наши соседи... Мы сбежали и перебрались в квартиру в брошенном доме, на самой крайней улице города. В квартире немного мебели, над плитой, на красивой, лощеной бумаге, висел портрет Гитлера, оставшийся от сбежавших жильцов...»

К нам часто приходил сорокалетний немецкий офицер Отто. Он охотно общался со мной, потому что я хорошо знала немецкий.

Никаких заигрываний. Отто вёл себя достойно, и разговоры были короткие. Он говорил про то, что не хочет воевать, и про то, что у него в Германии остались жена и дети: мальчик и девочка... Но хитрость была присуща немцам. Через доверительные отношения можно было легко узнать о наличии партизан в доме. Немцы боялись только партизан, а в лесах вокруг их было очень много...

В очередной визит, когда разговор шёл хорошо, Отто неожиданно восклицает:

— Рус это г...!

— Зачем же вы сюда шли?!

— 23 июня 1941 года на Германию должен был напасть Сталин, — ответил офицер.

— Нет! Нет! Не может быть! — чуть не раскричалась от такого заявления немца. Он прекращает разговор, прощается и уходит. Мы поругались...

Наутро пришёл незнакомый немецкий солдат. Он постучал в дверь. Я его впустила. Солдат прошёл в квартиру и сел на скамейку в комнате. Я стою у окна. Молчание затянулось минут на пять. Первым его прервал солдат и, указав на изображение фюрера, произнёс: «Это надо убрать. Завтра здесь будут русские. Они за портрет вас расстреляют».

Солдат встал и покинул дом. Вечером отец сжёг изображение в печке. На следующий день действительно пришли русские... Только тогда я поняла, что немецкий солдат пришёл предупредить нас об опасности по поручению Отто.

Приход своих я испытала на себе сразу. В первый же день русский офицер предложил мне пойти с ним на кровать...

— Как вам не стыдно! — сказала ему. И он тут же разбил моё лицо...

Надежда

Мы вышли из промежуточного лагеря, как только прервалась связь с разведочной группой. В состав нашего поискового отряда входили четыре человека. И ещё с нами попросился идти мой давний друг — опытный полярик. Я не мог ему отказать. В пропавшей группе была его молодая жена-геолог...

Погода не баловала. Над нами висели сизые тучи, и от этого белый лёд приобретал угрюмый сероватый оттенок. Было очень холодно, дул сильный ветер, кружило и метало снег...

Чем ближе мы подходили к месту предполагаемого исчезновения разведчиков, тем больше ухудшалась погода... Поднялась метель...

Вскоре разразился снежный буран...

Мы старались идти так, чтобы видеть друг друга. Я первым наткнулся на замёрзшее тело. Оно почти полностью было замечено снегом. Это была жена моего друга. Это была его Саша. Под заледенелой рукой у неё на груди лежал геологический планшет. В нём — карта и письмо...

Справа от меня донёсся крик, что найдены замёрзший... Я коротко помолился о душе погибшей и, забрав планшет, засыпал тело снегом...

Буран не затихал ни на минуту. Из пятёрки пропавших мы нашли троих. (Я не сказал о молодой женщине.) Дальнейшие поиски были бессмысленны, и мы повернули к лагерю. Напор встречного ветра был такой силы, что иногда казалось, будто мы не идём, а просто топчемся на месте.

Сколько мы шли — я не помню... Стихия смешала всё: время, расстояние и людей...

Нас осталось двое. Идущий рядом часто падал. Я поднимал его. И громко, насколько позволял ветер, опять и опять повторял, как заклинание:

— На очень горячий огонь ставим кастрюлю пресной воды. Всыпаем полторы ложки кухонной соли. Сухое пшено аккуратно перебираем на фарфоровой тарелке. В кипящей воде растворяем две большие ложки бараньего жира. И засыпаем пшено. Варим до готовности. Перед окончанием варки добавляем полную ложку ароматных специй. Снимаем с огня и даём каше настояться... Потерпи... Ещё немного — и подкрепимся...

Друг, реагируя на мой бред, хоть немного держался на ногах.

Что до дальнейшей судьбы Отто: он остался жив и вернулся домой с войны. Жил в ФРГ и умер в 1982 году. Сегодня живы его внуки...

В 1946-м я приехала из разбитого Белгорода в Одессу и с изумлением спросила у родственницы:

— Тётя, а здесь война была?

— Конечно, была!.. — ответила она.

С той поры живу здесь. Всю жизнь проработала портнихой в военном ателье. На параде 1947 года близко видела маршала Жукова и слышала произнесённую им фразу по поводу оторвавшегося хлястика...

В конце 1970-х умер мой старший брат Василий. Он сбил девять вражеских самолётов, и Калинин лично в Кремле вручал ему орден Красной звезды...

В 1984-м скончался мой муж Владимир, орденосец за Сталинград и Кенигсберг, инвалид войны, получавший 36 рублей пени...

В 1995-м наш единственный сын Павел пропал без вести...

Оставшись одна, Лида — Лидия Безсонова — ослепла, став инвалидом I группы. Ей 91 год, и она по-прежнему живёт в Одессе.

— Года берут, — вздыхает Лидия. — Всё ещё хочется пожить... Можно жить, и земля здесь, как масло... Только чтоб власти не воровали!..

P. S. Недавно узнал, что летом 2016 года Лидия Митрофановна Безсонова умерла.

Что осталось после неё в этом мире? Кто знает? Может быть, ничего... Но нет! Остались в памяти несколько куплетов «Лили Марлен», душевно исполненные мне на прощанье, остались добрая память о человеке да вот эта горстка воспоминаний, что лежит перед вами.

— Спасибо, брат! — слышу его слабый голос. Слезы катятся из его глаз. Он снова падает в снег...

Мы сбившись с пути. И брели наугад сквозь снежную бурю по бескрайнему льду суровой Антарктиды, теряя последние силы, но не теряя надежды на спасение...

Буран ослаб.

Друг упал в очередной раз. Силы оставили и меня.

— Сейчас будем есть, — закрыв глаза, шептал я. — Слышишь, брат, сейчас будем есть...

Он молчал. Не двигался и я... И в этот миг, собрав оставшиеся силы, я прохрипел:

— Брат!.. Тебе письмо... от неё...

Он шевельнулся. И с трудом приоткрыв залепленные снегом глаза, увидел в сером небе над нами ярко горящую зелёную сигнальную ракету.

Простите

Культурный мальчик едет в театр. Мальчику лет девять. Рядом с ним сидит мама с кошёлкой в руках. Возле них на полусогнутых ногах стоит старенький пассажир с тросточкой. В салоне маршрутки душно. Машину на ухабах трясёт. До театра — с учётом дорожных работ — ехать минут тридцать.

Мама делает вид, что «не видит» старичка. Ей делают замечание:

— Возьмите пацана на руки! Уступите место пенсионеру!

— Ничего: постоит! Не маленький! — огрызается женщина.

Чтобы к ней не приставали, она demonstra-

тивно открывает кошёлку и начинает кормить своё чадо. Сыр, хлеб, копчёное мясо, бананы, мандарины, конфеты... Корзинка бездонна. Продуктов на всю дорогу. Но старичку ничего не светит: ни колбаса, ни место. Мальчик ест всё. Потом запивает еду «Кока-колой», громко икает и впадает в сон.

Приближаясь к театру, женщина достаёт из корзины большой треугольник торта с кремовыми розами. У дедушки даже мелькнула шальная мысль, что это ему «за стойкость». Он начал подумывать, как бы ему повежливей отказать, но кусок ушёл в ладони ещё сонного сына.

В этот момент маршрутка резко притормозила. Пассажиры колыхнулись вперёд, цепляясь друг за друга, обрываясь и падая.

Дедуля крепко схватился за вертикальный поручень. При этом захватил палкой по затылку мамашу. Та хотела ответить, но влипла лбом в водительскую кабину. А пацан по уши воткнулся в бисквит.

— Какого ты здесь встал?! Блин! — наехала на деда отлипшая от кабины мамаша. — Старый хрыч!..

Дверь открылась. Пожилой человек вышел. Он был подавлен. И, опустив голову, поплёлся по старой улочке куда-то вверх. Шёл неосознанно, просто механически переставляя ноги. «Неужели я не заслужил большего, чем эта оценка? — думал он. — Вот такая грубая, хамская, бесцеремонная... Данная мне человеком, который не знает ни меня, ни моего жизненного пути... Пренебрегшим порядочностью и уваже-

нием к возрасту... Неужели так можно? Неужели эта огрубевшая женщина считает, что седина и морщины обойдут её голову, а молодость и здоровье будут вечны?.. Неужели заостренное невежество, избрав её своей жертвой, продолжает жить в этом перевёрнутом мире?..»

— Де-душ-ка! Де-душ-ка! Де-душ-ка! — услышал он крик за своей спиной. К нему бежал тот самый мальчик из маршрутки. Его лицо и рубашка были испачканы кремом. Он, запыхавшись, подбежал к старику.

— Дедушка!.. Простите меня!.. Простите мою маму!.. — сказал он с дрожью в голосе. — Простите нас!.. Если можете...

И слёзы потекли из его глаз.

Часы

Как быстро летит время. С того дня прошло несколько лет. Мы живём в одном городе, но ни разу нигде не встречались. Иногда спрашиваю себя: «А хочу ли я встречи?» И отвечаю: «Скорее, да...» Но чем дальше уходит тот день, чем дольше не вижу её, тем чаще задаюсь вопросом: а было ли это вообще?..

Тогда стояли первые числа октября. Осень позолотила листву, и налетающий ветер безжалостно срывал её на землю. Днём ещё было тепло, но к вечеру наполнился холод. От этого становилось зябко и неуютно. В один из тех дней я был гостем на дне рождения родственницы. В уютной компании собрались свои. Единственной незнакомкой среди нас оказалась тётиная подруга, которая пришла с опозданием. Я сразу обратил на неё внимание. Высокая, стройная, красивая. С длинными ухоженными волосами и тёмными блестящими глазами. Кожа её лица была гладкой и не имела ни одной морщины. Мы обменялись короткими взглядами, и она присоединилась к разговору гостей. За окнами быстро опустился вечер. Было туманно. Через час красавица засобиралась уходить и неожиданно для меня попросила провести её домой, неподалёку. Я согласился. Она была весела и уверенно взяла меня под руку. Кажется, мы говорили о погоде и в разговоре подошли к её дому. Войдя в квартиру, я узнал, что в ней живёт ещё одна симпатичная девушка-блондинка.

Моя спутница меня представила и провела в свою просторную комнату. Здесь ничего лишнего. Минимум мебели, на стене — большие часы. Всё лежало на своих местах и напоминало морской порядок. (Точно-точно, она упоминала, что работает на пассажирском лайнере где-то за границей.)

— Располагайся, — по-домашнему сказала она. — Можешь включить телевизор или посмотреть журналы. Я приму душ и скоро вернусь.

Всё это было мне знакомо, волнительно-сладко и таинственно. Я сел в кресло. Ещё раз глянул на часы. И принялся перелистывать глянецовые журналы. Вскоре моя знакомая вернулась в комнату в мягком банном халатике. Из-за этого она не утратила своей красоты, а даже наоборот, стала ещё более привлекательной и манящей. Сквозь полы халата виднелись её обнажённые стройные ноги. Дурманила её раскрепощённость.

Она предложила выпить шампанского. Я налил шипящий напиток в хрустальные бокалы. Они звонко прозвенели в тишине комнаты. Я вновь присел в кресло. Она переместилась ко мне на колени. Я испытал новые чувства, свойственные только мужчине. После нескольких глотков полусладкого вина она прошептала: «Можешь взять меня...»

И я, взволнованный и опьянённый всем происходящим, взял её поверх халата за грудь. Она заулыбалась. Ещё удобней расположилась на моих коленях и нежно прошептала: «Котёнок!»

Приблизив ко мне своё красивое лицо, она мягко коснулась моих губ своими упругими губами. Её страстный поцелуй вливался в меня всё глубже и глубже. Меня охватил небывалый жар, и голова закружилась от счастья. Поцелуй проваливал в бездну. Он был таким сладким, возбуждающим, вольным, но таким продолжительным, что мысли мои начали возвращаться в действительность, и я открыл глаза. Я увидел цифры на часах, неумолимо показывающие время, и осознал, что городской транспорт уже не ходит. Мало того, что домой придёт идти пешком, так дома нужно будет вступить в нежелательные объяснения...

Почувствовав моё беспокойство и охлаждение, она открыла глаза и спросила: «Тебе неприятно?»

Отрицая это, я, как телёнок замотал головой. «Почему же ты целуешься с открытыми глазами?» — нежно спросила она. Я что-то стал придумывать в ответ. Дух романтики начал исчезать, и я твёрдо решил уйти. И никакие заманчивые предложения не могли меня остановить...

Быстро шагал я холодными и пустынными улицами. Я даже не смаковал пережитое наслаждение. Была какая-то смесь чувств, в которых давило одно: как объяснить дома, где я был до такого позднего часа... (Дома всё обошлось.)

На следующий день я с необычайной яркостью вспоминал всё. Вновь заиграло воображение. Забурлила кровь от того, что было, и от того, чего не было. Меня тянуло к этой красавице, и я решительно пришёл к

ней через неделю. Она не ожидала этого визита. Приветливо встретила, но была очень сдержанна. Угостила чаем и конфетами. Разговор не шёл, не получался, чувствовалась скованность, и я засобирался уходить. Поцеловав меня на прощанье, она сказала: «Приходи попозже...»

Так и получилось. Я действительно смог прийти к ней только в конце мая. Уже было солнечно и тепло. Ярко и зелено. И повсюду цвели цветы. Приближаясь к её дому, моя душа замирала и волновалась всё больше. Становилось томительно-жарко от предстоящей встречи. Ко всем этим радостным чувствам добавлялось ещё одно: я был свободен. У меня начались каникулы, и я перешёл в десятый класс. А моей красавице исполнилось 35...

Дверь дома открыла симпатичная блондинка, которая была старше меня на десять лет. Она, приветливо улыбаясь, сообщила, что соседка будет через недельку. И в случае моего прихода попросила вместе с поцелуем передать её записку. Блондинка, исполняя поручение, жарко поцеловала меня в губы. Я вышел из квартиры в восторге. Всё это вновь вскружило мою голову, и я готов был бежать по небу. С нежностью я прижимал записку к сердцу, целовал её и улыбался. Воображал невесту что. Был на седьмом небе. И торопился домой. Дома я сел у окна за секретер и, хотя на улице было светло, включил настольную лампу. Моё сердце замирало от волнения. Внутренне ликуя от счастья, я развернул записку.

Она была короткой: «Мой милый мальчик! Ты снег, которого не будет».

Михаил ГАУЗНЕР

Проводок незримый

Страшно подумать, что я со своим самым близким в жизни другом, можно сказать — моим «вторым я», мог и не встретиться. Это чуть не произошло — на нашем родном мехфаке Одесского политехнического института Женю Марголина зачислили на литейное отделение, куда ребята не очень охотно шли. А ему было, видимо, всё равно — ведь он, как и большинство первокурсников, ни к какой определённой узкой специализации инженера-механика явной тяги не испытывал. Я попал на отделение металлорежущих станков, мы гордо именовали себя конструкторами, общие лекции у нас и у литейщиков проходили на разных «потоках». Так что мы вполне могли бы не познакомиться.

Витя Денисенко, которому поручили выпускать курсовую стенгазету, пропел сочил меня в ней — как нарушителя дисциплины. Это стало поводом для более близкого с ним знакомства (и вот уже 64 года мы дружим!), мы разговорились, и он привлек меня к работе в этой стенгазете. Вот теперь уже до упомянутой случайности остался всего один шаг — мне было поручено пойти на перемене на «поток» литейщиков и получить от кого-нибудь из них заметку. Там я практически сразу обратил внимание на высокого красивого голубоглазого шатена с открытым лицом и доброй, чуть ироничной улыбкой. Подошёл к нему, представился и попросил написать в газету.

Энтузиазма моя просьба, естественно, не вызвала, но я его уговорил, и в конце дня Женя на ходу сунул мне в руку какой-то листок. Написанное меня не устроило, на второй день всё повторилось — с тем же результатом. Когда я «отловил» Женю в третий раз, он клятвенно пообещал отдать мне после занятий качественную коррекцию, причём в стихах! Предвкушая удачу, я ждал его в вестибюле.

Он вручил мне вырванный из тетрадки листок и, выжидательно улыбаясь, наблюдал за моей реакцией. Вот что я прочитал: «Мишка Гаузнер, злодей, Женю нежно пожалей! Не заставь меня, беднягу, портить в третий раз бумагу!». Я рассмеялся, Женя приобнял меня за плечи; так началась наша дружба, продолжавшаяся тридцать семь лет, до его неожиданной смерти.

У хорошего поэта Майи Яворовской, нашей однокурсницы, есть такие строки:

И протянулся проводок незримый,
И потекло взаимное тепло...

Конечно, писала Майя о себе, о своих отношениях с мужчиной, но это очень точно сказано и о нас с Женей. Из указанных выше тридцати семи лет мы провели в одном городе только пять институтских, остальные он прожил в Риге, на берегу другого моря, где его окружали другие люди. И у него, и у меня были свои хорошие друзья, с которыми мы общались постоянно, но всё-таки самым близким для меня всегда оставался Женя.

Вспомнился смешной случай. Женя и я пошли купаться в Днестровский лиман, который со стороны Каролино-Бугаза очень мелководен — чтобы вода достигла уровня груди, нужно было пройти метров тридцать — сорок. Увлечённо беседуя, мы дошли до желательной глубины и, забыв окунуться, но продолжая разговор, вернулись на берег. Моя жена, наблюдая эту комичную сцену и с трудом сдерживая смех, с серьёзным видом спросила: «Ребята, вы ничего не забыли?» Мы растерянно огляделись вокруг, неуверенно сказали: «Вроде нет...» — и только потом, увидев, что верхние половины наших туловищ сухие, расхохотались вместе со всеми.

Но слова требовались нам не всегда. Как-то на закате сидели мы на узкой полоске песка около воды и долго молча смотрели, как теряющее яркость багровое солнце опускается за далёкий противоположный берег лимана. Наступали сумерки, а мы продолжали в предзакатной тишине без слов смотреть туда. Потом Женя встал, отряхнул песок, сказал: «Ну, вот и поговорили, вроде всё ясно», — и мы пошли на дачу, где большой компанией снимали комнатку и коллективный чердак.

Он часто знакомил нас с интересными людьми — и рижанами, и приезжими.

Помню, как до поздней ночи сидели у него на кухне с московским журналистом и поэтом Сашей Ароновым и увлечённо пели под гитару его новую песню «Когда у вас нет собаки»; потом в Одессе часто пели её в нашей компании. По-моему, усвоенная нами тогда нехитрая Сашина мелодия значительно больше подходила для этой только на первый взгляд простенькой песенки, чем музыка Таривердиева, на которую она исполнялась Мягковым в фильме «Ирония судьбы»; услышав там через несколько лет «нашу» песенку с прилизанно-правильным началом «Если у вас...» вместо «Когда...», мы так и говорили: «Жаль, перетаривердиев Рязанов Сашину «собаку».

В институтские годы главным делом его жизни был парусный спорт. К этому он относился очень серьёзно, пропадал всё свободное время, с ранней весны до поздней осени, в яхт-клубе, где тяжёлый, до мозолей на руках, труд по подготовке яхты к соревнованиям и походам был для него радостью. В этом был весь Женя — он всегда брал на себя самое трудное, не задумываясь, «подставлял плечо», считая, что иначе быть не может.

Он был настоящим романтиком моря, да и не только моря (хотя стеснялся это показывать, бывая иногда нарочито грубоватым), и сохранил эти качества на всю жизнь.

Парусные регаты, дальние походы под парусами (он был яхтенным капитаном, кандидатом в мастера парусного спорта) составляли тогда значительную, очень важную для него часть жизни. Он и направление после института выбрал именно в Ригу потому, что там можно было продолжать этим заниматься. Работал Женя на РЭЗе — Рижском электромеханическом заводе, в литейном производстве, неплохо проявил себя как специалист, жил в общежитии; в общем, «как все». И писал стихи — для себя, для близких друзей, т. к. поэтом себя не считал:

Чудес на свете бывает немало.
В темноте, среди ночной тишины
Ваше собственное одеяло
Тихонько подсматривает ваши сны.
Целый день одеяло дремало,
Ворсинками посапывая в кровать...

Одновременно с освоением инженерной специальности Женя стал публиковать свои корреспонденции и стихи в заводской многотиражке. Её редактор, выпускник филфака Латвийского университета Абрам Клячкин, стал первым профессиональным наставником Жени в журналистике; его роль в судьбе Жени и тогда, и потом трудно переоценить. Со временем небольшие заметки Жени стала печатать республиканская газета «Советская молодёжь».

Однажды эстрадный оркестр РЭЗа исполнил на престижном республиканском конкурсе песню на стихи Жени «Вечер над Ригой». Она заняла призовое место и удостоилась похвалы самого Раймонда Паулса, возглавлявшего жюри:

Над Ригой лучистые звёзды,
Чуть дышит ветер ночной.
Весенних бульваров искрящийся воздух
Нас опьяняет с тобой.

Стихли улицы, шум не слышится,
Робко звякнув, ушёл трамвай,
Мягкий сумрак плывёт над крышами.
Синяя ночь, ласковый май...

Словосочетание «ласковый май» через четверть века после первого исполнения песни стало названием суперпопулярной музыкальной группы.

Начиная с декабря-января в письмах и по телефону Женя постоянно говорил, что уже не может дожидаться, когда наступит август и будут колоннада у Воронцовского дворца, Приморский бульвар, Дерibasовская, песчаная коса Каролино-Бугаза.

А прилетев и обняв нас, он всегда широко улыбался и говорил одну фразу: «Ну, кажется, я в Одессе!»

Уже через несколько дней куда-то девалась его приобретённая прибалтийская респектабельность, в речи вновь появлялись одесские интонации и обороты. Вероятно, одесский воздух, родное Чёрное море, общение с близкими людьми буквально преображали его, и он становился счастливым.

Любопытны обстоятельства его первого знакомства в день прилёта с Бертой, моей женой. Август, выходящее во двор окно моей комнаты на первом этаже раскрыто настёж. В его просвете появляется улыбающийся Женя с бутылкой вина, подтягивается на руках, легко перемахивает через подоконник и выжидательно смотрит на Берту, ожидая её реакции на столь несолодкий («неинтеллигентный», как говорила моя бабушка) способ входа в квартиру. А реакции никакой: «Ну и что?» — спокойно спросила у него Берта. Женя широко улыбнулся и со словами «Наш человек!» обнял её. С тех пор они тоже стали близкими друзьями.

В августе 1984 г. мы большой компанией отпраздновали пятидесятилетний юбилей Жени на даче моего приятеля. Мужчины были в парадной форме — плавки и галстуки, на тамаде ещё и шляпа; женщины — в купальниках. Солнце, веселье, смех, шуточные тосты — в общем, несерьёзная обстановка.

Неожиданно для юбиляра я торжественно вручил ему альбом с машинописным текстом, на обложке из красного колена золотом было вытеснено: «Е. Марголин. Собрание сочинений. Том первый. Ранние стихотворения».

Женя онемел: «Откуда они у тебя? Ведь многие из этих стихов не сохранились даже у меня!» Пришлось объяснить, что я собирал не только все присылаемые им с письмами вырезки из газет, но и рукописные листки.

Потом он стал редактором на Рижской киностудии документальных фильмов и через год был избран её художественным руководителем. Эта работа очень захватила Женю. Он казался помолодевшим, полным сил, на него приятно было смотреть; чувствовалось, что он на подъёме.

Женя был членом Союза журналистов СССР и Союза кинематографистов СССР, в качестве одного из авторов сценария нашумевшего в 80-е годы фильма «Легко ли быть молодым?» получил Государственную премию СССР.

Вечером 4 декабря 1990 г. позвонила из Москвы наша общая подруга Валя и растерянно сказала: «Умер Женя...» Подробностей она не знала. Через день мы с Бертой и Валей были в Риге.

В тот промозглый день на нас давило всё — и свинцовые тучи, и холодная, пробирающая до костей прибалтийская сырость, и нескончаемый висящий в воздухе мелкий дождик. Всё это усугубляло моё ощущение: то, что мы видим перед собой — не Женя...

Один из выступавших, молодой латыш, рассказал, как Женя заставил его поверить в свои силы и помог стать оператором («если бы не он, я таскал бы треногу осветителя до сих пор»). Интересно, что этот парень, по возрасту годившийся Жене в сыновья, только один раз назвал его по имени-отчеству, а дальше называл Эйженс (Женя). Стесняясь и сбиваясь на латышский, он объяснил нам, что все на студии называли его только так, и это не было панибратством — просто он был для них всех близким, своим человеком.

Судьбе было угодно, чтобы два самых близких мне (исключая родителей и дочь) человека — Берта и Женя — родились в один день с разницей в пять лет, и отмечали его всегда вместе, в Одессе. Мы с Бертой решили их первый без Жени день рождения провести в Риге.

В отличие от декабрьских, он был тёплым и солнечным. Мы стояли на лесном песчаном кладбище, среди высоких сосен, под ярким голубым небом, читали Женино имя на скромном памятнике, и только тогда впервые по-настоящему осознали, что Жени нет и уже никогда с нами не будет.

Чем больше в обществе умных и искренних, добрых и порядочных, весёлых и талантливых людей, тем легче и интереснее в нём жить. Очень хочется, чтобы нашу жизнь, жизнь наших детей и внуков стали, наконец, определять именно такие люди, одним из которых был Евгений Марголин. Не случайно Всемирный клуб одесситов поместил статью о нём на свой сайт-энциклопедию «Они оставили след в истории Одессы». Друзья и земляки Е. Марголина действительно могут им гордиться.

Инна АРУТЮНОВА Ришельевская, дом № 21

Мой дом — в самом центре Одессы. Как говорят в Одессе, «центрее быть не может». Но он тоже может похвастаться одесским языком, вероятно, потому, что сам И. Бабель жил через дорогу, в № 17, учитывая, что № 19 в природе нет по нашей улице. В этом дворе, как и в упоминаемом № 61 по Б. Арнаутской, во дворе чистили рыбу, были в курсе, кто что купил и что кто готовит.

Из старых жильцов осталось нас только трое: я, известная художница Светлана Юсим-Цюпка и Ляля Новикова, дочь ученого-винодела, доцента Одесского сельскохозяйственного института Щигловской. С Лялей я училась в одном классе. На выпускном экзамене в школе она сразила всех. На вопрос в экзаменационном билете о генераторе она, приняв театральную позу, ответила, вскинув руку в сторону экзаменатора: «Генератор есть генератор!» И на этом замолкла. Получив «тройку», гордо удалась, но это не помешало ей окончить технический вуз и работать инженером — судя по отзывам, совсем не плохим.

Ставший известным врачом-гинекологом Жозя Зильберман несколько лет назад поменял адрес, работает в роддоме на ул. Слепнева.

В нашем дворе жила мадам Волк, низенькая, полная, кругленькая, которая была в курсе всех событий во дворе и бурно обсуждала все события с соседями. Иногда что-то присочиняла от себя, тогда было слышно: «Мадам Волк, вы свистите по нотам!» Она где-то услышала слово «феерично», которое ей очень понравилось, но она услышала и запомнила его как «венерично» и употребляла его очень часто. К примеру, у нее была кошка Белка, которой она говорила: «Белочка, кушай кусочек венерической курочки»; или «Погода сегодня венеричная!» К своему коту она обращалась так: «Мурзик, иди срочно домой!» Кот сидит и не реагирует. «Я говорю тебе, или я говорю рядом?!»

У меня были соседки Галина Лазаревна Бакальчук и ее дочь Наташа, моя подруга, которая теперь живет в Израиле. Они тоже очень активно интересовались жизнью двора. Мой балкон выходит во двор, они приходили ко мне на балкон, и в бинокль наблюдали жизнь двора, и были в курсе событий: кто к кому приходил, кто что купил. Во время землетрясения 1977 г. по телевизору показывали чемпионат мира по фигурному катанию. Я поддерживала полки с книгами, через плечо поглядывая в телевизор. В это время раздался телефонный звонок, и Галина Лазаревна светским тоном поинтересовалась, что я делаю. Услышав, что я поддерживаю полку с книгами, получила ответ: «Ты мишигине! Вместо того чтобы почитать эти книги, купила бы себе кольцо с бриллиантом и стояла бы, как все нормальные люди, на улице. Мы с Наташей стоим в ночных рубашках и звоним тебе с телефона-автомата, что на углу».

После войны в цокольном этаже жили две старушки — Анна Акимовна и Юлия Акимовна. Они были одиночки, их семьи составляли две кошки. Я помню 1948 г., когда весь двор их подкармливал, каждая хозяйка во дворе считала своим долгом принести им обед и накормить их кошек. Благодаря такой дружественной атмосфере и взаимопомощи голода в нашем дворе не ощущалось, никто из нашего двора от голода не умер.

Наш дом известен еще и тем, что в нем, построенном гласным городской думы Россолом в 1900 г., жили известный одесский певец В. Коралли, знаменитый футболист и тренер Виктор Прокопенко, а известный врач-гинеколог Ж. Зильберман (Жозя, как его звали во дворе) переехал и проживает по другому адресу.

Двор был интернационален. Здесь жили русские, евреи (в большинстве), поляки, греки, армяне, итальянцы, украинцы и даже одна семья испанцев — эмигрантов из Испании, приехавших в нашу страну в 1936 г.; семья персов, имевших бахчи за городом и дешево продававших и просто угощавших жителей двора дынями.

Наш двор по национальному составу был Одессой в миниатюре.

Владимир ТАЙХ

Один день Григория Львовича

СЛАВНОМУ 85-ЛЕТИЮ ЗАСЛУЖЕННОГО ИЗОБРЕТАТЕЛЯ УКРАИНЫ Г.Л. МАХЛИСА ПОСВЯЩАЕТСЯ

У Григория Львовича, слесаря Одесского завода им. Розы Люксембург, десятки значительных изобретений, сотни рацпредложений. Поражали его механизмы, как живыми пальцами, заворачивающие конфеты и укладывающие их в коробки, «изобретение» новых конфет «Стрела», использование яичной скорлупы, богатой кальцием, сначала для удобнений, затем для специальной жевательной резинки, прекарсно очищающей зубы. Одним из венцов его творений стал уникальный комплекс для урологии с самоочищающимися катетерами, освободившими от страданий сотни больных.

Григорий Львович не чужд юмора, поэтому и поздравление ему — весёлое, шуточное.

— Ты только представь, — говорю жене, — как ему трудно. Живёт один, никто ему не помогает.

Насмешливый взгляд чуть выше моих глаз. — Зато никто и не мешает, не морочит голову.

— Ты не поняла. Ведь уже не юноша. Только представь его день! В 07:30 подъём, молочный завтрак на скорую руку. Приготовился бежать на базар. Так нет, надо вымыть посуду и расставить в левом кухонном шкафчике, он для молочной посуды. Не дай бог перепутать. Ставит на газ кастрюлю с водой.

— Ну, грейся! «Умрёшь, пока хоть чуть не греется!»

Ну вот, можно мыть. Помыл, поставил в сушилку. Пока мыл, думал: «Куда сегодня? На «Привоз» или на «Южный?»

Вот сотни хлопот позади, мясной корпус. Лежат курочки, связанные по две, а то и по три ногами. Эти торговки притаскивают их

сотнями, им абы гроши. А попробуй обойди их всех, приподними перья, каждой подуй в задницу.

— В задницу-то зачем дуть?

— Кто его знает? Все дуют. Не подуешь — поймут, что лох, сунут самую заваливающую.

Юбилар:

— Это точно. Только отошёл, смотрю: таки сунула мне торговка вместо моей курочки с жёлтым жирком чалого петушка. Возвращаюсь, увидела издали, орёт: «Ой, вы таки перепутали, счас отвяжу вашу, чтоб я так была здорова».

Что дальше? Беру синеньких, вы их называете баклажанами. Какие они баклажаны? Баклажаны я никогда не видел, но это что-то другое. Что к ним? Чеснок, цыбулю, кислые помидоры, тут ни микадо, ни фонтанские не годятся, не думайте, что поспешили.

Взял и зеленые три пучка, но это для другого. Сумка моя на колёсах забита, курочку нес

за связанные лапки. Она не жалуется, ей байдуже.

Вот, наконец, дома. Отдохнул. Сейчас самое неприятное: птичка-то живая. Резать горло? Омерзительно. Давно привёз из леса приличный пенёк, плаху, обработал, держу в ванной под умывальником. И топорик тут же. Отрубить голову дурной птице не преступление, для этого их и разводят. Мало отрубить, надо ещё и крепко прижать её к плахе на пять минут, иначе она и без головы начнёт летать — и все стены в крови. Ну вот, затихла. Ей теперь что? А мне долгая работа. Пока не остыла, ошипать, потом над пламенем опалить пух, и можно снимать кожу. Да! Какой обед без шейки, без синеньких?

Сначала подрезаю шкуру в районе попочки, поддеваю её пальцами по кругу, стягиваю, внимательно следя, чтобы не повредить желчный пузырь. Подрезаю крылышки. Вот и шкура с крылышками на ней — уже в моей любимой эмалированной миске. Внутренности — в мусорное ведро, оставляю только печень и пупок без внутренней жёсткой оболочки. Ещё вкалывать и вкалывать.

Надеваю очки. Вставляю нитку в иголку. Нитку непременно белую и без синтетики. Зашиваю сначала малое отверстие на шее, затем то, что на животе, оставив незашитым «окно для фарша». Всё тщательно мою.

Фарш в консистенции густой сметаны. Над глубокой салатницей разбиваю 4 — 5 яиц, взбиваю, добавляю манную крупу и муку до нужной консистенции, туда же нарезанное мелко белое мясо с грудки, печеньку, пупок. Соль, перец. Зашиваю.

Надо бы отдохнуть, но некогда. Из «раздетой» курицы варю бульон. Когда прокипит, в кипящее варево аккуратно опускаю шейку. Пусть, родимая, варится. Минут через пять, тут требуется мастерство, чтобы не сломать ещё не заваренную шейку, очень аккуратно её перевернуть.

Пишу подробно, но что-то забыл. Да, вот что! Перед варкой заготовку шейки поколоть со всех сторон иголкой. Чтобы воздух её не раздувал.

Шейка варится, и я не отдыхаю. Думаю, как трудную работу рационализировать, создать «шейку для народа»? Народную шейку! Сажусь к кульману. Через час рождаются три идеи, вполне реальные. Надо отработать на макете и тогда оформлять заявку.

Дорогой читатель, если вы с должным почтением относитесь к тому, что во всём мире называют «одесские синенькие», прошу ко мне утром в чётные дни. Ну а в воскресенье! В воскресенье — королева одесских блюд. Догадались? Да-да! Знаменитая, потрясающая фаршированная рыба!

«А фиш», как называют её в Калифорнии.

Сергей ОСТАШКО

Голландский Паустовский

Со съёмочной группой телевидения Нидерландов я встретился на Приморском бульваре — возле дома, где в 20-е годы находилась редакция «Моряка». Именно здесь работал тогда Константин Георгиевич Паустовский. И именно о нём снимали голландские гости свой фильм. После съёмок, в гостинице, я побеседовал с членом съёмочной группы Вимом Хартогом, переводчиком Паустовского на голландский язык.

Идея этого фильма родилась несколько лет тому назад. Я начинал переводить Паустовского ещё в Париже, когда был студентом, около двадцати лет тому назад. Это была очень долгая работа. Я перевёл «Повесть о жизни», потом — «Золотую розу», красивую, но очень трудную вещь. Появление этих книг в Голландии вызвало большой интерес к судьбе и творчеству Паустовского. Затем состоялась первая 18-минутная передача на голландском телевидении.

— А как вам Одесса?

— Одесса для меня — как сон, потому что в сердце я моряк. Все голландцы — моряки. Роттердам — самый большой по тоннажу порт в мире. Может быть, не знают это здесь, но Сан-Франциско — только второй в мире. Роттердам — первый. Маленькая страна — большой порт, и все — моряки. Уже были путешествия в XVI веке, как вы знаете. Уже в XVI веке наши предки путешествовали по всему миру, и кто знает, может быть, в моей

крови есть что-то от Одессы. Возможно, что у меня были родственники, которые ехали в Одессу в XVII и XVIII веках.

— Что вас больше всего привлекает в Паустовском? Что привлекло вас, как переводчика, к нему, как к писателю?

— Очень и очень многое. Во-первых — чистота, чистота речи и также чистота мысли. У Паустовского ничего фальшивого я не видел. В этой поездке я немножко боялся, что могут вскрыться нехорошие или неточные детали. Но я побывал здесь и убедился: все правда.

Паустовский, он же не только русский писатель, он, по-моему, интересен для каждого человека в мире, потому что описывает чувства, которые знакомы везде. Когда он между скобок говорит о пейзаже или море — он говорит о чувствах, понятных и русским, и иностранцам. Когда Паустовский говорит о прошлом, это так же живо, как и настоящее время. Он великий писатель. Я думаю так, чтобы хорошо понимать Россию, Украину, Советский Союз, нужно больше вчитываться в Паустовского. Писатель много говорит о родниках, я сам думаю: он — это родник русского чувства и русской души. Паустовский — как мост между XIX веком и современностью. И я думаю, читая Паустовского, мы будем лучше понимать, что теперь происходит здесь, у вас. И я уверен, что он всегда будет на книжных полках в ряду великих писателей, от Чехова до Бунина.

— Когда вы переводили Паустовского, у вас складывался образ города, образ моря, образ природы. Насколько то, что вы увидели, соответствует этому образу?

— Паустовский так подробно рассказывает об этих местах, что как только видишь некий дом или старый двор, то сразу знаешь, что ты уже был здесь, ты был здесь в книгах. И в этом мастерство Паустовского. Он пишет об Одессе не как гид или как проводник, а как живой человек, который жил здесь, страдал здесь, был влюблён здесь, путешествовал здесь. Он наполняет повествование такими деталями и подробностями, что каждый человек, приехавший в Одессу, чувствует: все это верно, и что еще там что-то существует в Одессе. И всегда будет существовать.

В Одессе очень много французского, ваш город красивый, как Париж или как Марсель. Это точнее. Но в Париже у меня всегда было немножко грустное чувство, потому что море так далеко. А у вас есть Париж, но на берегу моря.

Я люблю у вас старые дворы. К сожалению, теперь немножко запущенные. Это обещание. В Голландии мы уже 15 лет все ремонтируем и реставрируем, ничего старого больше в городе не трогаем, и я думаю, что вам надо действительно заботиться об этом. Это ваша самая большая ценность не только для туристов, но и для вас.

— Скажите, Вим, какие трудности возникают перед вами при переводе Паустовского?

— Конечно, трудности были на уровне чувства. Надо хорошо знать язык, нужны хорошие словари. Нужно иметь возможность обсудить, проконсультироваться с русскими. Это все было. Но самое главное — может, это и будет звучать немножко смешно: надо быть голландским Паустовским. И я стараюсь быть как голландский Паустовский. Сейчас в нашей стране очень многие знают и любят вашего Паустовского. Сейчас уже переведено семь его книг. Они довольно дорогие. Но их все равно покупают. Ваш язык очень богатый. Я знаю французский, английский, немецкий, даже датский язык. Я делал сравнение между французским, немецким, американским и русским изданиями Паустовского. У меня все эти издания есть. И пришел к выводу, что с русского лучше всего переводить именно на голландский, потому что наш язык, так же, как в России, первоначально простой язык, очень живой язык, язык мужика, язык людей, работающих на земле. Потом были писатели, язык стал богаче, но все сравнения, все эти чувства, все поговорки даже можно переводить буквально. Наш язык функционирует так же, как и русский.

Переводить с русского на французский, например, уже немножко сложнее. Французский язык — это язык людей, живущих где-то там в столице, при дворе. Это красивый язык, но немножко юридический и не такой живой, не такой красивый, как русский!

Иногда, конечно, возникают проблемы с лесами, например. У нас мало лесов, у вас много. У вас много разнообразия лесов: бор, непроходимые леса, корабельный лес и так далее, и так далее. Иногда очень трудно найти хорошие слова для перевода, потому что у нас это слово не существует. Но все эти трудности преодолели, если ты чувствуешь так же, как и автор, которого переводишь.

Евгений ДЕМЕНОК

Предвкушение послевкусия

Подумал вдруг, что кубинские футуристы могут по праву называть себя кубофутуристами.

Тем — перамент
Этим — ология

Им — мунитет
Нам — ёки
Вам — пир

Что делать, что делать... Искать тех, кто виноват!

Первые встречные лучше вторых.
Скачайте в App Store новое приложение — приложение к святым мощам!
Стихи стихи, раскатились раскаты.
Друзья и сотратники.
И.З. Грязин-Князев.

Три пишем.
Два в уме.
Но не в своём.

Он ведёт свой род от самого царя Гороха.
"Гороховичи мы", — с гордостью говорит он.
"После вождя". Пейзаж.

Налогоублажение.

Полутенце — полотенце, отбрасывающее полутень.
Сначала он за собой следил, а потом начал ухаживать.

Прожил жизнь, игнорируя даже лёгкие прикосновения реальности.

Это было в те времена, когда нам ещё казалось, что с помощью поста в «Фейсбуке» мы можем изменить мир.

Ленивая звезда. Светит, но не греет.
«Дайте мне точку опоры, и я начну её грызть!» Из дневника шестимесячного Архимеда.

Поэт без бороды, как и священник без неё, вызывает подозрение. Вызывает подозрение

также поэт хорошо одетый, опрятный, организованный, а особенно — трезвый.

Правовое поле чудес.

Раз валины, два валины...

Одна девочка случайно лайкнула свой собственный пост, и потом ей всю ночь снились кошмары...

Вся власть — имущим!

Планируем к выпуску сборник «Шутки скучных людей».

Первое, что бросилось в глаза Гамлету, когда он взял в руки череп Йорика — металлические штифты в левой нижней шестёрке.

Политическое убожество.

Казна и казнь — слова однокоренные.

Ясен пень в хорошую погоду!

— Ты куда?

— В «Фейсбук», поскандалить захотелось.

А вы замечали, что грустить не в одиночестве, а вместе с кем-то гораздо веселее?

Редактор Евгений Голубовский

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка:
ТИА "Вікна-Одеса"
(тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508.
Тираж 1000. Заказ N 88.
Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маразлиевская, 7.
Тел. 725-45-67,
725-53-68
www.odessitclub.org.